

РОССИЯ МОЙ ДОМ

ЭММА ПОНАФИДИНА

ВОСПОМИНАНИЯ
АМЕРИКАНКИ, ЖЕНЫ
РУССКОГО ДВОРЯНИНА,
СТАТСКОГО СОВЕТНИКА,
О ТРАГИЧЕСКИХ ДНЯХ
ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Эмма Понафидина
Россия – мой дом.
Воспоминания американки,
жены русского дворянина,
статского советника,
о трагических днях
войны и революции

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72976262

Понафидина Эмма Россия – мой дом. Воспоминания американки, жены русского дворянина, статского советника, о трагических днях войны и революции / Понафидина Эмма, Пер с англ. Л.А. Игоревского:

Центрполиграф; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6546-6

Аннотация

Эмма Понафидина, в девичестве Кохран, американка, вышедшая замуж за русского дворянина, вспоминает о своей жизни в России в трагический для страны период истории. Свое повествование она начинает с подробностей быта провинциального дворянства и крестьян, описывает

домашний уклад, гастрономические пристрастия, народные обычаи, хлопоты по хозяйству. Благополучное течение жизни нарушается с началом Первой мировой войны. Понафидина рассказывает о болезни мужа, взрослении детей, о страхе за семью в условиях военного времени, революционной бури и террора. Изгнанные из родного дома, лишённые собственности, понимая, что им почти невозможно будет выжить при новой власти, Эмма Понафидина и двое ее сыновей с риском для жизни решаются на побег из страны.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	64
Глава 10	71
Глава 11	82
Глава 12	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Эмма Понафидина

Россия – мой дом.

**Воспоминания американки,
жены русского дворянина,
статского советника,
о трагических днях
войны и революции**

*Моей подруге Клемент и племяннику Кохрану,
благодаря усилиям и помощи которых мне удалось
сбежать из России, которая больше не была
моим домом, и обрести мир и спокойствие в этой
дружественной стране*

EMMA PONAFLDINE
RUSSIA MY HOME

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2026

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2026

Предисловие

В 1911 году, находясь в Санкт-Петербурге, я провел приятный вечер в доме господина и госпожи Понафидиных и хотел бы теперь не только засвидетельствовать сердечность и любезность хозяев дома, но особо отметить старомодную вежливость, мудрость, интеллигентность, терпимость и доброжелательность господина Понафидина. Он подолгу жил в разных странах, но приобретенный жизненный опыт не превратил его в циника, а придал его лицу, манерам и разговору мягкое очарование. Я завидую тем, кто хорошо его знал. Госпожа Понафидина прожила с ним много лет; я же общался с ним всего лишь один вечер. Но этот вечер навсегда остался в моей памяти.

Я очень рад, что госпожа Понафидина написала эту книгу, правдиво нарисовав события, участницей и свидетелем которых она являлась. Обществу необходимы именно такие правдивые истории, если мы действительно хотим узнать правду о России, какой она была раньше, в переходный период, и строить предположения, какой она должна стать. Нам не помогут в этом ни защитники, ни обвинители – необходимы свидетели событий.

Госпожа Понафидина американка, удачно вышедшая замуж за русского дворянина. Понафидины жили в русских городах, в своем загородном поместье, имели опыт жизни в

зарубежных столицах. За годы, проведенные в русской глубинке, госпожа Понафидина тесно общалась с чиновниками разных уровней, с представителями различных провинциальных учреждений и органов власти и с мужиками. Эта книга не автобиография, но она дает четкое представление о личности автора. И мы не сомневаемся в правдивости ее свидетельств.

Книга начинается с объявления о начале войны и рассказывает о том, что эта война и ее красное послесвечение означали для автора, ее мужа, сыновей и их окружения. Есть случаи в исторических повествованиях, не нуждающиеся в объяснениях и восклицаниях; факты говорят сами за себя. Именно так обстоит дело с историями, рассказанными автором в этой книге.

В своей книге госпожа Понафидина чрезвычайно интересно рассказывает о городской и деревенской жизни России в начале века до мировой войны, дает возможность близко познакомиться с жизнью крестьян – с их деятельностью, суевериями, взглядами на жизнь. Она особенно подчеркивает тот факт, что правительство было обеспокоено невежеством и бедностью русского крестьянства и принимало меры к улучшению положения основной части населения России.

Госпожа Понафидина говорит об огромных успехах в сфере образования в первые 14 лет нового века, и, пожалуй, самое большое впечатление произвел на меня последний параграф главы 10:

«Что касается неграмотности среди крестьян, то ее показатель резко падал с каждым новым поколением. В 1918 году мой сын Алек, который во время мировой войны служил военным инструктором в нашей волости, обнаружил, что из приблизительно семисот новобранцев-крестьян только шесть-семь человек были неграмотными. Тем не менее ничему так искренне не верят в отношении России, как тому, что крестьяне были неграмотными, а причиной их неграмотности была преднамеренная политика царского правительства».

Эмма Понафидина очень спокойно рассказывает о своей жизни в России во время войны, и именно это придает драматизм повествованию, хотя, по ее мнению, по-настоящему трагические события развернулись уже после войны. Госпожа Понафидина поступила очень мудро, не опустившись до обвинений, понимая, что будет достаточно лишь честно изложить ход событий. А история ее бегства из России вообще не нуждается в приукрашивании.

Нам знакомо высказывание о сумерках перед рассветом, но иногда мы забываем, что рассвет может быть хуже темноты. Сгущающиеся тени войны в России сопровождались полыхающим рассветом революции. Иногда я задаюсь вопросом, понимают ли те, кто говорят о «следующей войне» как о неизбежном событии, что после нее может наступить такая же неизбежность.

Уильям Лайон Фелпс¹

---

¹ Фелпс Уильям Лайон (1865–1943) – профессор кафедры английской литературы Йельского университета, автор около двадцати литературоведческих книг. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

Введение

Эта книга далась мне с большим трудом. На протяжении многих лет друзья убеждали меня изложить на бумаге воспоминания о моей жизни в разных странах, заполненной необычными событиями. Сыновья тоже уговаривали написать книгу, поскольку из России мы вывезли только то, что могло поместиться в заплечных мешках, и только я могла рассказать о нашей семье; насколько нам было известно, из большой семьи Понафидиных в живых остались всего шесть человек, разбросанных по миру.

Во время революции мы сожгли все документы, дневники и письма, которые могли повредить нам и нашим друзьям, так что приходилось рассчитывать только на мою память.

Помимо этого, существовало еще одно серьезное препятствие. Как выяснилось, одно дело – читать лекции снисходительной и доброжелательной аудитории, которая своим интересом подогревает желание лектора поделиться воспоминаниями, и совсем другое – пытаться изложить то же самое на бумаге. Много раз за последние годы я бралась за написание книги и тут же отказывалась от этого занятия. Наконец наступил день, когда в памяти отчетливо всплыли картины прошлого. Я вновь ощутила очарование Востока, и события, свидетелями которых мы были, а в некоторых играли ведущую роль, предстали перед моим мысленным взором. Вот

тогда я начала писать. Закончив работу, я поняла, что уделила слишком большое внимание восточным странам, в то время как мир с возрастающим интересом следит за событиями в России. Исходя из этого, я решила сначала рассказать читателям о своей жизни в России в трагический для нее период истории, начавшийся с поражения империи в мировой войне, оставив первую часть истории моей жизни для следующей книги.

Глава 1

Слепота

Днем в разгар лета 1914 года я сидела за столом в своей комнате, когда в дверях появился запыхавшийся управляющий нашего поместья. Безуспешно пытаюсь справиться с волнением, он проговорил дрожащим голосом:

– Барыня, объявили войну! Якова (один из наших слуг, которого убили в начале войны) и меня вызвали, и через час все наши лошади должны быть на сборном пункте в Старом селе.

Сброшенная на наш дом бомба произвела бы на меня меньшее впечатление, чем это известие. Никто из нас не осознавал, что тревожные статьи в газетах на протяжении последних месяцев предвещали войну. Наши лошади, как и работники, находились в разных местах: часть заняты на работах, часть на пастбище, но за невероятно короткое время удалось всех собрать в одном месте. Мы сели в телегу, запряженную тройкой лошадей, и в окружении мужчин и мальчиков, ведущих в поводу лошадей, двинулись к месту сбора, в деревню, находившуюся менее чем в 4 километрах от нас. Завидев нас, крестьяне выпрягали лошадей из плугов и, усевшись верхом, следовали за нами. К нашей процессии примыкали крестьянки на низкорослых лохматых лошадках.

Люди были взволнованы, но сохраняли спокойствие; паники не было, как не было мрачных, недовольных лиц. Крестьяне, как и мы, откликнулись на призыв своей страны. На сборном пункте офицеры тщательно осматривали всех лошадей старше пяти лет за исключением племенных кобыл. Прошедших отбор лошадей было приказано немедленно отправить в управление волости, располагавшееся в 20 километрах от сборного пункта. Мы вернулись домой и, как было приказано, сразу нагрузили два воза свежего сена. Жена нашего управляющего, занимаясь готовкой и упаковкой, не переставая плакала. Яков ушел домой в соседнюю деревню. Было около 4 часов пополудни. На дороге, проходившей через наше поместье, появились крестьяне. Некоторые ехали на лошадях к месту сбора. Некоторые, окруженные родственниками и друзьями, направились в Осташков, провинциальный город в 20 милях от нашего поместья.

Два наших старших сына, Георгий и Алек, с двумя работниками, управлявшими возами с сеном, и остальные, кто верхом, а кто ведя на поводу лошадей, направились к месту сбора. Мы немного проводили их. В присутствии матерей и жен, провожавших своих близких, возможно, в последний раз, мне было стыдно проявлять чувства, которые я испытывала к нашим лошадям. Многие из них выросли на моих глазах, и все откликались на мой зов, но один конь, Смелый, был особенно привязан ко мне. Мы знали, что Смелый старше установленного возраста, но по нему этого было не ска-

зять, а кроме того, у нас не было документов, подтверждавших его возраст, поэтому его отобрали для отправки в армию. Он лучше других лошадей знал и любил меня, и, когда ежегодно весной мы возвращались в Бортники из Турции, Смелый, услышав мой голос, радостно ржал. Алек ехал на Смелом, а я шла рядом, и конь нежно трогал меня мягкими губами за руку, словно понимал, что мы прощаемся навсегда. Процессия двигалась очень медленно, поскольку многие пошли провожать своих мальчиков. Опускались сумерки, и, дойдя до леса, мы повернули обратно. В лесу стояла тишина. Высоким соснам, взиравшим на поколения Понафидиных, было суждено, как и многим людям, которых мы провожали, погибнуть в приближающейся страшной войне.

Если бы нам было позволено приподнять завесу и узнать будущее, этот день разбил бы наши сердца. Наши мальчики скрылись из вида в густом сумраке леса. Мой муж, Ока и я вернулись домой, нам предстояло еще очень долго жить втроем. Несмотря на охватившую нас печаль, мы верили, что война долго не продлится.

– Самое большее через три месяца они вернутся, – слышалось со всех сторон.

И ни одной жалобы от крестьян, что они могут потерять лошадей. Девять из наших восемнадцати лошадей забрали на фронт. Окончательный отбор проходил в Осташкове, и я надеялась, что Смелого забракуют, но, когда Алек въехал на нем на площадь, где стояли офицеры, наш старый конь, к со-

жалению, продемонстрировал такую горячность, так гарцевал и храпел, что привлек внимание отборочной комиссии.

– Этот конь для меня, – услышал Алек восхищенный голос одного из офицеров.

Наш управляющий Карпович, который обещал попытаться вернуть Смелого домой, рискнул обратиться к офицерам:

– Конь красивый, но он старый и не пригоден к военной службе.

Офицер подошел к Смелому, осмотрел его зубы, ноги и, повернувшись к Карповичу, отчитал его за то, что из любви к лошади он готов поступиться верностью и патриотизмом. Таким образом, судьба Смелого была решена.

Той же ночью лошади были отправлены на поезде из Осташкова на фронт – менее чем через 36 часов, как мы узнали об объявлении войны. На следующий день мальчики пароходом вернулись обратно, и тот же пароход забрал рекрутов в Осташков.

В тот день в моей памяти четко запечатлелась одна картина. Поднявшись на небольшой холм, чтобы проводить пароход, мы увидели молодую женщину, с рыданиями бросающуюся на землю. Она обхватила руками большой камень, и от ее рыданий, казалось, содрогалась земля. Мы подошли к ней и попытались найти слова, чтобы успокоить ее. Но что значили какие-то слова! В то время Георгий и Алек могли избежать отправки на фронт: студентов старших курсов университета не брали в армию. Предполагалось, что война бу-

дет недолгой, и правительство решило, что не стоит отрывать от учебы старшекурсников. Так что наши сыновья до окончания университета и сдачи выпускных экзаменов были освобождены от военной службы. Георгий объяснил мне, что много думал об этом. Его беспокоило состояние здоровья отца, и он спросил у меня, как я думаю, отразится ли на отце, если они с Алеком сразу после выпускных экзаменов отправятся добровольцами на фронт. Мне показалось, что на какое-то время у меня остановилось сердце. Война слишком близко подошла к нашему семейному очагу. Я сказала Георгию, что в любом случае он должен обсудить этот вопрос с отцом.

Мой муж, слабый и больной, отнесся к этой ситуации так, как всегда поступал в критические моменты. Он сказал мальчикам, что не будет ни отговаривать, ни удерживать их и что был бы глубоко разочарован, если бы они не понимали, что их долг откликнуться на призыв своего императора и страны.

Спустя несколько дней два наших сына поехали в Санкт-Петербург. Георгий и Алек записались на сдачу экзаменов в октябре, после чего Георгий поступал в военную школу, а Алек в авиацию. В таком настроении вся Россия встретила войну. Были забыты все разногласия. Для оказания помощи раненым был создан «Всероссийский союз земств», и Дума на специальном заседании выразила доверие правительству и высказала готовность к сотрудничеству.

Когда наши сыновья находились в Санкт-Петербурге, мы с мужем избегали разговоров о них и их будущем, но никогда не переставали думать о них. Я знаю, что муж мало спал в то время, и вскоре после возвращения сыновей у него ночью случился очень сильный сердечный приступ. В течение нескольких часов мы делали все, чему нас научили врачи, но муж все не приходил в себя. Несколько раз мальчики говорили мне:

– Мама, прекрати, он ушел.

Однако мы продолжали и к утру увидели, что он возвращается к жизни. Наконец муж смог говорить, но очень тихо. Он лежал с закрытыми глазами и медленно, задыхаясь, говорил. Обращаясь к каждому из нас, он говорил, как ему казалось, последние слова, благословляя нас и давая свое благословение Оке, который вернулся в лицей, в Санкт-Петербург. Затем он замолчал и только тихо дышал, и мы решили, что конец близок. Встало солнце, и при свете дня он открыл глаза. Осмотревшись вокруг, муж спросил:

– Эмма, где ты?

Я встала на колени у его кровати, рядом встали сыновья. Мы решили, что он бредит. Я взяла его за руку:

– Я здесь, Петр.

– Где Георгий и Алек?

– Мы здесь, отец.

И вдруг муж властным тоном, словно решив, что мы сделали что-то не то, сказал:

– Почему вы не зажигаете лампу?

Мы переглянулись. Каждый прочитал ужас на лице другого, но никто не произнес ни слова. Муж повторил вопрос, а затем, ломая руки, спросил:

– Я ослеп? О Боже, дай мне силы. Позволь безропотно снести это.

Он не жаловался в течение последующих пяти лет и двух недель, которые прожил в темноте, в темноте, которая сделала еще ужаснее эти и без того страшные годы.

Утром Георгий уехал в город за доктором. Все врачи в Осташкове были заняты, поскольку в больницы уже стали поступать раненые с фронта. Но один врач, который все последующие годы находился рядом с нами в самые тяжелые дни, согласился приехать после вечернего обхода в больнице при условии, что Георгий отвезет его в Осташков к утреннему обходу. Доктору предстояло проехать более 40 миль по труднопроходимой дороге в темноте октябрьской ночи. Уже после полуночи мы слышали звон колокольчиков, и по ступенькам поднялись Георгий и доктор. У нас были все необходимые лекарства на случай сердечных приступов. Доктор осмотрел мужа и сказал, что в дальнейшем нет смысла вызывать врача. Он сказал, что мы должны быть готовы ко всему; смерть может наступить в любой момент, а может, пациент проживет много лет, если ему незамедлительно будет оказываться помощь и осуществляться хороший уход. Главное, следует избегать любых волнений. Простые рекомендации,

если учесть возникшие трудности с получением лекарств и годы голода, революции и тревог!

Мы наняли человека, чтобы он читал мужу и оставался с ним, когда я была занята. Кроме того, у нас появился новый управляющий, с которым я проводила много времени. Одного за другим наших управляющих забирали в армию. Менялись и те, кто читали мужу. В ту первую военную зиму и следующее лето с нами оставались английская пара и друг из Америки, тогда как почти все иностранцы покинули Россию.

Наша жизнь сосредоточилась вокруг больного. Мы поместили мужа внизу, в большой солнечной комнате, выходящей на юг; эта комната, ставшая спальней мужа, одновременно была для нас гостиной и столовой. Какими длинными были ночи! Я всегда читала мужу два часа, до пятичасовой утренней дойки, а затем вечером перед сном. Человек, нанятый для чтения, освобождал меня от этого занятия в дневные часы. Вот так и текла наша жизнь, пока революция не лишила нас не только того, кто читал мужу, но также повара и прислуги.

К весне мы поняли, что мир вовлечен в нечто большее, чем недолгая ограниченная война. Всюду ощущалась серьезность положения. В первый год войны Россия понесла большие потери, предпринимая наступления, к которым не была готова и которые приносили только поражения, но были необходимы для того, чтобы ослабить напряжение на Западном фронте. Все военные авторитеты сходятся в том, что на-

ступление русских в Восточной Пруссии в 1914 году изменило ход войны.

Глава 2

Россия становится моим домом

Теперь мы с мужем остались одни. Два старших сына проходили обучение перед отправкой на фронт. Ока учился в лицее. В голову приходили самые мрачные мысли, несмотря на все попытки отбросить их. После долгих лет, проведенных за границей, это ли ждало нас в нашей стране, которую на протяжении трех столетий защищали Понафидины? С тяжелым сердцем я сравнивала счастливое прошлое с грозным настоящим.

Как быть мне, чужой по крови, в критический момент, который, возможно, потребует в жертву моих сыновей? Мои мысли перенеслись в далекое прошлое; я вспомнила историю, которую моя мать рассказывала мне о том июньском дне, когда я родилась в маленькой сирийской деревне, спрятавшейся на склоне Персидской горы. Она поведала мне о набеге курдов и жестоком убийстве молодого сирийского пастуха; о том, как его обезображенное тело под плач и крики женщин было положено во дворик под ее окнами и как на вопрос: «Сколько лет вашей дочери?» – она всегда отвечала: «Не могу сосчитать, но знаю, что в день, когда был убит мой сын, родилась моя дочь».

Эти события были словно предзнаменованием тех траге-

дий, которые случились в моей жизни, заполненной приключениями и опасностями, и которые сейчас, казалось, достигли апогея.

Я выросла на Востоке. Мой отец, Иосиф Г. Кохран, в течение 25 лет был посланником в Персии. Отец, а много позже мать и другие члены семьи нашли последнее пристанище на маленьком христианском кладбище на склоне горы.

После смерти отца меня отправили в Соединенные Штаты в школу, где поначалу я жила у миссис Самюэль Сикес, а позже у мистера и миссис С.М. Клемент в Буффало. В то время мой единственный брат, доктор Д.Р. Кохран, вернулся из Америки в Персию и, благодаря проявленному мистером Клементом великодушию и помощи Вестминстерской церкви Буффало, основал в городе Урумие первую больницу в Персии. Я мечтала вернуться в Персию, чтобы помогать брату, поскольку в то время он был совсем один, без квалифицированных помощников. Я окончила полугодовой курс обучения медицинских сестер, могла работать хирургической сестрой и давать анестезию и, несмотря на несовершенство полученных мною знаний, с искренней благодарностью вспоминала своих учителей в тех глухих местах, куда в грядущие годы забрасывала меня судьба.

После трех счастливых лет, проведенных в Урумие, в 1885 году я вышла замуж за Петра Егоровича Понафидина, в то время генерального консула в Табрице. Для меня это был серьезный шаг. Мой муж и его друзья – первые русские,

которых я узнала, а их страна, люди и обычаи были для меня книгой за семью печатями. В то время американцы находились под впечатлением серии статей о России, появившейся в одном из журналов. Они были написаны мистером Джорджем Кеннаном².

В своих статьях Кеннан сосредоточил внимание на ярких и точных описаниях ужасов, царивших в переполненных, грязных тюрьмах; на картинах жестокости, с которой ссыльные сталкивались по дороге в Сибирь, и грубого обращения в местах ссылки. Он подметил только отрицательные стороны русской жизни. В России, по его мнению, все было ужасно.

Вот такие чувства я испытывала к России, когда подошла к переломному моменту своей жизни; мои взгляды на эту «варварскую страну» были не более терпимыми, а знания не более обширными, чем у остальных американцев. Накануне свадьбы мой брат принес мне последнюю статью Кенна-

---

² Джордж Кеннан-старший (1845–1924) – известный публицист и путешественник, крупный знаток Востока, неоднократно посещавший Россию. В 1885–1886 годах совершил путешествие по Сибири, после чего вышла его книга «Сибирь и ссылка», переведенная на все основные европейские языки. Один из первых наиболее известных писателей, писавших о России. Сотрудник Американской телеграфной компании, Кеннан путешествовал по Сибири и проявил себя как проникательный наблюдатель, правдиво изобразивший впоследствии проявления царской карательной системы. Он привез с собой в Америку собранную им богатую библиотеку и архивы, включавшие множество фотографий тех частей империи, по которым ему довелось путешествовать. После смерти Кеннана его коллекция была передана в Библиотеку Конгресса и Нью-Йоркскую публичную библиотеку.

на и убеждал прочесть ее и серьезно подумать, стоит ли решаться на такой серьезный шаг. Он считал, что еще не поздно отказаться от замужества, если я чувствую, что не могу связать свою судьбу с людьми, живущими в таких условиях. Мой брат с уважением и любовью относился к Понафидину, но считал, что, по всей видимости, он является исключением. Я рада сообщить, что впоследствии брат полностью одобрил мое решение и смог увидеть другие стороны русской жизни.

Бракосочетание должно было состояться в Лондоне, и мы столкнулись с серьезными проблемами: русский, православной веры, и американка, протестантской веры, хотели обвенчаться в Англии, чтобы их брак имел законную силу в трех странах. В результате мировой судья зарегистрировал гражданский брак, церковная церемония проводилась в баптистской церкви, а заключительная часть брачной церемонии – в часовне русского посольства. В то время я не знала русского языка, а мистер Понафидин практически не знал английского. Нам пришлось подготовить его к ответам на вопросы во время церемонии в протестантской церкви, а русский священник знал английский язык и мог обращаться ко мне во время церемонии в русском посольстве.

Глава 3

Путешествие в Бортники

Мы уехали из Англии и после короткой остановки во Франции и Германии добрались до польской границы; передо мной были ворота в неизвестность; незнакомой была страна, непонятной была моя личная жизнь, такая таинственная и немного пугающая. В Санкт-Петербурге нас встречали один из братьев мужа с женой и шурин мужа, князь Шаховской. Эти трое, первые из моих родственников, оказали мне теплый прием, и на протяжении последующих лет я всегда ощущала их любовь и понимание.

Мы должны были провести лето в старинном фамильном имении мужа Бортники в Тверской губернии, расположенном на полпути между Санкт-Петербургом и Москвой. В то время Николаевская железная дорога не имела юго-западной ветки, и в самом центре Европейской России находился большой треугольник, не имевший ни железных, ни других дорог, заслуживающих названия, поэтому около сотни верст нам пришлось ехать на перекладных. Транспортные средства – тарантасы³ (броски и тряски, по словам мистера Г. Клементя) были настоящими орудиями пыток. Деревянная повоз-

---

³ Тарантас – дорожная, обычно крытая, повозка на дрогах, на уменьшающих тряску длинных продольных брусках, которыми соединены передок с задком.

ка в форме лодки на длинных дрогах (что-то вроде рессор) могла ехать по дороге с разбитой колеёй, по колдобинам и любым естественным препятствиям.

Наш тарантас был запряжен тройкой, которую меняли пять раз по пути следования. Места в повозке не были обиты материей: на них лежали так называемые подушки. Как правило, это были мешки, набитые сеном, которое после нескольких часов тряски имело обыкновение сбиваться в одном углу, так что в конечном итоге пассажир сидел практически на досках. На случай дождя поднимался кожаный или брезентовый верх, и, когда лошади неслись во весь опор, пассажиры подпрыгивали на сиденьях, ударяясь головой о натянутый верх. На первой почтовой станции мы вышли из тарантаса, дожидаясь смены лошадей; у меня болело все тело, и я прихрамывала. Когда мы добрались до последней станции, я уже едва передвигала ноги.

Но были и положительные стороны в этой поездке на почтовых лошадях. Большую часть пути мы проделали ночью. Был июнь, и восхитительные белые ночи давали нам возможность прочесть цифры на мильных столбах, мимо которых мы проезжали. Величественные леса казались более таинственными и красивыми, чем при дневном свете, а спящие деревни вызывали у меня неприкрытый интерес. Несколько часов мы поспали на одной из почтовых станций, чтобы не будить среди ночи тетю мужа, у которой хотели остановиться. В комнате, где мы заночевали, стояли диваны, несколько

стульев с жесткими сиденьями и один или два стола. На всех окнах горшки с цветами. Обстановку дополняли висевшие на стене большие часы и иконы в углу комнаты. На станциях всегда был горячий самовар и иногда яйца, но у нас была своя еда, и после ужина мы легли отдохнуть. В комнате всю ночь горела лампа. То и дело входили и выходили пассажиры; кто-то пил чай за столом; кто-то курил; велись разговоры, слышался смех. Ни о каком сне не могло быть и речи.

Зимой такая поездка была истинным удовольствием: снег ровным слоем укрывал неровную дорогу и не было этой ужасной тряски. Впечатление от поездки не могли испортить даже непредвиденные остановки, вызванные снежными заносами и бурями. Закутавшись в шубы, мы сидели на мягком душистом сене и наслаждались картинами зимнего величия русских лесов. Пушистые лапы елей под снежными шапками нависали над дорогой, высокие ели тянулись к небу, создавая непередаваемую по своей красоте картину.

Я никогда не переставала восхищаться красотой и понятливостью русских лошадей и приходила в восторг при виде живописных троек. Они были не транспортным средством, как думают некоторые европейские авторы, а упряжкой из трех лошадей. Центральная лошадь, рысак-коренник, всегда самая рослая и мощная, бежит размашистой рысью с высоким подъемом ног, а более легкие пристяжные лошади скачут размеренным галопом, красиво изогнув головы в сторону и вниз. Такая разноаллюрная езда, сочетающая рысь и га-

лоп, выглядит очень гармонично и красиво. Левая пристяжная лошадь идет галопом с правой ноги, правая пристяжная – галопом с левой ноги. Лошади выбирают нужный тип галопа инстинктивно, стремясь сохранить устойчивость. Я так и вижу, как тройка мчится по дороге, и у меня перехватывает дыхание от этого незабываемого зрелища!

Но вот, наконец, мы выехали на булыжную мостовую города Осташкова, несомненно заштатного городишки, в нем не было гостиницы, а только почтовая станция, которой заправляли старик со старухой. Единственной привлекательной особенностью города были цветы, стоявшие в окнах домов, даже в ветхих лачугах.

В Осташкове нас встретил брат мужа, и вечером на небольшом пароходе мы поплыли по озеру Селигер к нашему дому, находившемуся в 15 милях от Осташкова. Я на всю жизнь запомнила эту поездку в призрачном свете белой ночи, мимо маленьких лесистых островов, мимо монастыря, серебряный купол которого излучал жемчужный свет. Купола церкви, стоявшей на вершине крутого утеса, тянулись в небо. Но вот, наконец, появилась длинная неровная береговая линия. Лес подходил к самой воде, и высокие сосны, пушистые ели создавали темно-зеленый фон изящным белым березам с нежно-зеленой листвой.

Когда мы подплыли ближе, то увидели старую усадьбу, сад и засаженную липами дорогу, идущую по краю холма. Усадьба была построена бабушкой мужа в 1806 году, и при ней же

посажена липовая аллея. За усадьбой, за узкой полосой обработанной земли, стоял лес. В моей памяти навсегда запечатлелась великолепная картина дорогого моему сердцу старого дома, но я не хочу и не могу вспоминать, как он выглядел в 1920 году, когда нас выгнали из него. Я люблю вспоминать лес, почти вплотную подходивший к усадьбе, и пытаюсь забыть зияющие провалы в тех местах, где деревья были сожжены или безжалостно вырублены.

Я пишу о том времени, подготавливая фон для страшного периода с 1917 по 1922 год, и оба этих периода теперь, по сравнению с жизнью в Америке, кажутся нереальными: один – красивой мечтой, другой – жутким кошмаром.

На пороге дома нас встречала сестра моего мужа княгиня Шаховская; отец и мать мужа давно умерли. Она поднесла нам серебряный поднос с «хлебом и солью». Этот национальный русский обычай сродни принятому в других странах обычаю подносить «ключ от города». Император, новоприбывший, вернувшийся воин-победитель, невеста, впервые пересекающая порог, – всех их с незапамятных времен встречали этой простой едой, символизирующей гостеприимство русских людей. Увы, мы дожили до того дня, когда соль стала нашей самой желанной и твердой валютой, а хлеб ценился дороже алмазов.

Глава 4

Имение Понафидиных

Наше пребывание в России ограничивалось отпусками мужа, так как он служил в Министерстве иностранных дел. Младший брат, женившись, продолжал жить в старом доме и управлял имением вместо мужа. В кирпичном флигеле, в котором во времена крепостного права ткали льняное полотно, стояли ткацкие станки, красивый стол и хранилось постельное белье, составлявшее богатое приданое дочерей, и все это досталось мне. Этот флигель мой муж приказал подготовить и обставить для нас. У нас были пять комнат и застекленная веранда, с которой открывался великолепный вид на озеро и лес, стоявшие в отдалении деревни, и церковь на холме, находящуюся в имении семьи Толстых, куда великий писатель в юности приезжал к своей тете.

Из Санкт-Петербурга мы привезли камердинера Никиту, бывшего солдата, который был ординарцем моего деверя⁴, полковника Николая Понафидина.

Муж заказал для Никиты ливрею. Позолоченные пуговицы и темно-красный кант вызывали восхищение крестьян и принесли известность нашему Никите. Это был большой добродушный парень, отличавшийся преданностью и услуж-

---

⁴ Деверь – брат мужа.

ливостью, но не блиставший умом, и ливрея была тому лишним доказательством. Когда мы выезжали на тройке, Никита, во всем своем великолепии восседавший рядом с кучером на козлах, оказывал прямо-таки гипнотическое воздействие на крестьян. Когда мы проезжали через деревни, крестьяне, завидев этого большого «генерала», низко кланялись ему с шапками в руках и только потом обращали внимание на нас. Нас подобная ситуация всегда необычайно забавляла, и никогда не приходило в голову, какое глубокое впечатление все это производило на Никиту. В трезвом состоянии он никогда не давал нам почувствовать свое превосходство, хотя до нас стали доходить слухи о том, как он ведет себя со слугами и крестьянами. Он был образцовым слугой, но только пока не пил. Его пристрастие к водке все время держало нас в напряжении. Трудно было предугадать, что он будет делать дальше. Русский редко бывает буйным и опасным, когда навеселе, но скрытный, хитрый крестьянин, напившись, способен высказать все, что лежит на сердце.

Как-то нам понадобился доктор, и мы послали в Осташков Никиту в карете с кучером. Никите было приказано передать доктору письмо и привезти его как можно быстрее. Никита добросовестно выполнил все наши распоряжения, но, нарушив запрет, приобрел бутылку водки в городе. Постепенно водка и почтительное внимание крестьян сделали свое дело. Окончательно уверившись в своем превосходстве, Никита слез с козел, заставил доктора (который мало того что

был мирным человеком, ко всему прочему был физически слабее Никиты и не мог оказать ему должного сопротивления) сесть рядом с кучером, а сам занял его место. Я и сейчас вижу эту картину: карета подлетает к парадному входу, наш «генерал», развалившись на сиденье, храпит, а доктор скромно сидит на козлах рядом с кучером!

Моей личной служанкой была старая няня Катя, сопровождавшая молодую хозяйку, мать моего мужа, в Бортники. Она вынянчила в этой семье 11 детей, и вся семья обожала ее. Няня не умела читать и писать, но обладала сильным характером и здравым смыслом, что всегда являлось отличительной крестьянской чертой. Она держала себя с достоинством, чем снискала огромное уважение. Теперь няня была домоправительницей; держала в строгости прислугу, командовала няньками и, как в былые времена, занималась детьми.

Из старых слуг осталась еще Танюша. Она отвечала за стирку и превосходно гладила белье. Хотя она была очень старой, у нее тряслись руки и муж платил ей пенсию, Танюша настояла на том, что будет гладить его рубашки и мои платья.

Когда любой из членов семьи возвращался в Бортники, он в первую очередь приветствовал этих старух, целовал и обнимал как самых любимых домочадцев. Им обязательно привозили подарки. Для старой Танюши покупался самый дорогой чай; для нее не было большего наслаждения, чем пить чай, и она считала, что его надо пить столько, сколько

хочется, и так часто, как хочется. Среди подарков для няни всегда была коробка с нюхательным табаком; это была ее тайная (как она наивно полагала) слабость, и она не могла отказать себе в удовольствии тайком нюхать табак.

Вскоре я поняла, что это действительно незнакомая мне жизнь. Хозяйственные постройки, кухня, помещение для стирки и глажки, ледник располагались так, что ароматы и шум не долетали до господского дома. На кухне безраздельно царствовал повар, а одна из очень старых служанок, решившая остаться в семье, готовила еду для работников в отдельной кухне.

В России прием пищи всегда был больше, чем простая потребность в удовлетворении голода. Для русских людей прием пищи – одно из самых больших удовольствий. Выходные дни давали великолепную возможность заняться тщательным составлением меню – и в гораздо меньшей мере подготовкой загородных прогулок, занятий спортом, устройством приемов и вечеринок. Стоило в доме появиться гостю, как тут же ставился самовар, независимо от времени суток. При звуке бубенчиков экономка, повар и горничные бросались к окну, в нетерпении вытягивая шею и торопливо пересчитывая прибывших. В любом доме, будь то крестьянская изба, барская усадьба или дворец, ни одного гостя не отпускали без угощения.

Даже в обычные дни стол значил многое. Большинство русских с утра едят мало, но к утреннему кофе у нас всегда

были яйца и блины. В двенадцать был второй завтрак из двух горячих блюд и десерта. В половине четвертого подавался ранний плотный ужин с чаем. За столом с кипящим самоваром собиралась вся семья. К чаю, в зависимости от времени года, подавались ягоды с густыми сливками или засахаренные фрукты, холодное мясо, масло и разнообразная выпечка. В семь-восемь вечера наступало время обеда. Сначала подавали суп – ни в одной стране мира не готовят таких супов и не пекут таких пирожков с самыми разными начинками, как в России! Обед, состоявший из трех блюд и десерта, не мешал в одиннадцать вечера опять сесть за стол, чтобы поужинать. На ужин были, как правило, холодные блюда, ну может, одно горячее. Позже за ужином мы просто пили чай.

Помещики, принадлежавшие к местному дворянству, были частыми гостями в имении Понафидиных. В имениях семьи жили на протяжении десятков лет, и между ними завязывались связи, возникали родственные отношения. Нам ничего не стоило, взяв детей с нянями, собак, ружья, отправиться без предварительной договоренности, к примеру, за 30 миль в гости к «соседям», чтобы погостить у них несколько дней. В наш сложный век уже никогда не вернуться те легкие отношения, то искреннее радушие, существовавшие в то время между людьми. Неожиданно нагрянувшие гости всегда доставляли нам удовольствие: никакого ужаса не было ни у нас, ни у слуг, которые радовались общей суматохе.

Россия была и остается страной контрастов – роскоши и

нищеты, самодержавия и полнейшей демократии. В то время ни в одном из поместий в округе не было водопровода и газа. Воду в бочках привозили на лошадях с озера. Пользовались керосиновыми лампами и свечами. Мой муж помнил еще те времена, когда единственным источником света в крестьянских избах была сосновая лучина.

Дни рождения имели второстепенное значение; праздновались именины, день ангела. У моего мужа были именины 12 июля, в День святых Петра и Павла; к тому же это был день моего рождения, а затем и нашего старшего сына Георгия. Кроме того, что имело немаловажное значение для нашей семьи, это был день открытия охоты на уток. Этот день, естественно, был для нас самым важным днем в году.

Крестьяне, в зависимости от имеющихся средств, праздновали именины даже более пышно, чем мы. Помню, как однажды мы куда-то ехали, мой муж и извозчик подсчитывали, во что обходится празднование именин и Пасхи крестьянам. Результат оказался потрясающим! Даже извозчик был поражен: соразмерно с доходами, крестьяне тратили на праздники в несколько раз больше, чем люди нашего класса.

В отличие от южных губерний в северной части России не пьют вино. Крестьяне пьют чай и квас, который можно назвать национальным алкогольным напитком. Его делают в домашних условиях из ржаных сухарей, которые заливают водой и оставляют для брожения. Получается не опьяняющий, сытный напиток. Но во время праздников на сто-

ле обязательно должна быть водка, и за несколько дней, пока крестьяне гуляют, например, на свадьбе, они пьют до тех пор, пока не окажутся под столом. Когда я приехала в Россию, женщины не принимали участия в пьяных застольях, но позже многие из них тоже пристрастились к этому злу. После праздников, через пару дней, когда отпускала головная боль, крестьяне, кроме заядлых пьяниц (их было не много), сохраняли трезвость до следующего праздника. Я уверена, что среди русских крестьян было меньше запойных пьяниц, чем в большинстве стран.

Но вернемся к нашему особому празднику. Мы никогда не посылали приглашений, но знали, что 12 июля приедут все наши друзья. Продукты заготавливались из расчета на 50–80 персон. Гости съезжались по земле и по воде. Обязательно пекли огромный именинный пирог и пирожки с рыбой, яйцами, грибами, капустой и мясом. Специально для извозчиков и лодочников в большом котле варился суп. Иногда неблагоразумные хозяева подавали на стол водку; понимание законов русского гостеприимства было сильнее, чем опасение за поведение гостей. В такие дни мы могли гулять ночи напролет. Для тех, кто хотел отдохнуть, были приготовлены комнаты в доме и во флигеле; молодежь любила спать на сене или на перинах, разложив их на полу в большой русской бане.

Когда я стала вести домашнее хозяйство в большом старом особняке, в котором семья жила еще в царствование

первого из Романовых (а покинула с последним из них спустя три столетия!), то поняла, что значит жить несколькими поколениям в одном месте. Мне хочется перечислить то, что осталось у нас, и это после того, как две замужние дочери и три женатых сына Понафидиных были обеспечены постельным и столовым бельем, фарфором и прочим домашним скарбом. Собственность была поделена между всеми детьми, однако я нашла в старом доме такое количество вещей, что была просто поражена. Помню, что было порядка 50 перин и более сотни пуховых подушек. Старинный английский столовый сервиз находился в семье с незапамятных времен. Супницы, шесть из которых такого огромного размера, что потребовалось бы несколько сильных официантов, чтобы наполненными донести их до стола. Сотня тарелок для супа, несколько сотен тарелок разного размера, блюда для овощей, пирогов, мяса и блюдо для рыбы (прежде мне никогда не приходилось видеть такого длинного). Много поколений семьи пользовались всей этой посудой, и, вероятно, многие предметы были разбиты.

В то первое лето в России я многое узнала о жизни провинциального дворянства; о высокообразованных и культурных людях и о тех, кто, не имея образования, но много путешествуя и зная иностранные языки, обладал естественным обаянием, которое завоевывало сердца всех, кто знал их.

Глава 5

Сельская школа

Приближалась зима, и многие имения опустели. Остались только несколько соседей и среди них наши родственники. Мужа тоже вызвали в Санкт-Петербург. Я решила, что это прекрасная возможность начать изучать русский язык, поскольку осталась один на один со слугами и крестьянами, которые говорили только по-русски; одним словом, как говорится, «либо пан, либо пропал». Этот путь изучения языка имеет свои сложности, но я могу порекомендовать его как верный способ начального погружения в незнакомый язык, после чего все пойдет «как по маслу». Ежедневно я проводила много часов в местной деревенской школе, которую на протяжении многих лет содержал мой муж. Школу посещали дети из пяти окрестных деревень. Зимой они приходили в овчинных тулупах, валенках, обвязанные теплыми платками; у каждого был с собой завтрак – хлеб или пирожки. Учитель ел вместе с учениками.

На первых порах эти деревенские дети оказали мне большую помощь в изучении языка. Кроме того, они дали мне возможность близко познакомиться с жизнью крестьян. Школа просуществовала до создания земства, местного органа власти, а затем была переведена в одну из пяти дере-

вень, расположенную на берегу озера. Теперь детям было удобнее ходить в школу – великое благо; ведь им приходилось идти до школы около 3 миль. Зимой они выходили из дому до рассвета, а возвращались уже в темноте. В плохую погоду многим детям приходилось идти по глубокому снегу, по открытой местности или по замерзшему озеру.

В России надо было серьезнее готовиться к зиме, чем в большинстве стран с более мягким климатом. В окнах устанавливали двойные рамы, тщательно замазывали все щели; на подоконник между рамами насыпали несколько дюймов песка, а сверху покрывали цветным мхом. В нашем лесу рос мох самых разных оттенков: серебристый, красновато-коричневый, от нежно– до темно-зеленого, который сохранял свой цвет всю зиму. В городах, где не было мха, между окнами клали вату, иногда цветную, иногда украшенную цветными блестками и бумажными цветами. Пока хозяйки занимались подготовкой домов к зиме, полиция в городах и старосты в деревнях принимали необходимые меры безопасности. Шел снег, реки и озера покрывались льдом. В снегу на небольшом расстоянии друг от друга устанавливались в два ряда деревянные слепы, отмечающие дорогу. К деревьям и заборам привязывали пучки соломы. Если не принимать таких мер, то в темное время суток и в снежный буран путники могли сбиться с дороги, что и произошло как-то с моим мужем в середине дня, когда извозчик сбился с дороги и в течение нескольких часов кружил по озеру.

Учитель, которого нам посчастливилось пригласить в школу, создал прекрасный школьный хор. Я любила сидеть в небольшой классной комнате, когда дети разучивали красивые народные песни или репетировали перед церковной службой. По воскресеньям, в форме, купленной моим мужем, маленький школьный хор пел в нашей церкви; крестьяне из окрестных деревень приходили, чтобы послушать детский хор.

Приближалось Рождество, пришло время позаботиться о елке. После обеда все со стола убрали, и мои маленькие племянники и племянницы вывалили на стол принесенные с чердака надоевшие игрушки, старых кукол и зверей. За столом собралась вся семья, и под руководством кузена, ловкие пальцы которого творили чудеса, мы провели много счастливых часов, восстанавливая старые игрушки. Для меня это была еще одна прекрасная возможность потренироваться в русском языке. Когда наступило Рождество, под елкой каждого ученика ждали полезный подарок и игрушка. У деревенских детей никогда не было такого праздника; они были в восторге, и мы радовались вместе с ними.

В течение четырех лет дети учились читать и писать. Они изучали основы географии, арифметику и Закон Божий, который преподавал деревенский священник. Дети изучали Новый Завет, жизнь Христа, истории из жизни святых, читали молитвенник. Изучению религии в сельских школах придавалось большее значение, чем в городских шко-

лах. В городских школах классы делились по вероисповеданию: православный священник занимался с учениками православного вероисповедания; лютеранский пастор – с учениками немецкого происхождения, протестантами; католический священник – с поляками, а мулла занимался с мусульманами. В деревенских школах все было проще, поскольку все ученики были православными.

В мае наступала экзаменационная пора. Ученики, показавшие способности и трудолюбие и чьи родители хотели, чтобы их дети продолжили образование, отправлялись в уездный город, где сдавали экзамены в «городскую школу»; обучение было бесплатное. Русским детям был открыт путь из деревенской школы в среднюю школу, а затем в университет, так же как детям фермеров в Америке. В университетах существовало большое число стипендий, и на них претендовало все большее число крестьянских детей. В любом случае в России учеба в университетах и расходы, связанные со студенческой жизнью, были намного ниже, чем в западных странах. Крестьяне и «пролетариат» могли получить образование, и после этого для них были открыты все двери. В этом отношении русская аристократия была демократичной и гибкой, и постоянно увеличивалась за счет «низов». Выходцы из бедных, зачастую безграмотных семей, получив образование и поступив на государственную службу, могли получить для себя и последующих поколений титул и все связанные с ним привилегии. Медленно, но неуклонно рос-

ло число крестьян – студентов университетов; крестьяне начали понимать все выгоды от получения образования. Принимая во внимание распространенное мнение, что крестьянам было запрещено получать образование, я не могу особо подчеркивать этот факт.

Глава 6

Крестьянская жизнь

Вне всякого сомнения, годы крепостничества воздвигли барьер, стену недоверия между крестьянством в целом и помещиками, землевладельцами, то есть отсутствие доверия со стороны крестьян и неумение понять крестьянскую психологию со стороны помещиков. Отсутствие взаимопонимания стало одним из важных факторов, приведших к трагическим событиям в России.

Русская интеллигенция, которая была ближе всех к крестьянству, первая признала, что крестьяне для них – книга за семью печатями. За годы крепостничества крестьяне научились приспосабливаться к существующим условиям и скрывать истинные чувства. Они были замкнутыми и подозрительными, а по натуре индивидуалистами. Свое освобождение они связывали с царем, который пошел против воли помещиков, бывших хозяев крепостных и земли. Крестьяне полностью пренебрегли тем фактом, что планы отмены крепостного права были разработаны Александром II вместе с государственными деятелями и представителями дворянства. Крестьяне считали, что Царь-освободитель был на их стороне, несмотря на происки придворных и помещиков, и что помещики, если представится возможность, с удоволь-

ствием вернутся к старому. Мы всегда чувствовали, что нам никогда не победить их недоверие. Именно в этом причина неправильного понимания позиции крестьян во время революции. Лично я не знаю ни одного представителя нашего класса, кто был не согласен с отменой крепостного права; хотя наверняка были отдельные сторонники крепостничества.

Первые годы моей жизни в России совпали с началом деятельности земств. Невозможно понять жизнь крестьян и представить нашу позицию, не имея представления о деятельности земств, поэтому я считаю необходимым коротко остановиться на их работе.

Земства учредил Александр II. В то время на огромных просторах России ощущалась нехватка хороших дорог и телеграфной связи, и земства по мере сил решали насущные проблемы. Земства были местным органом управления, в который входили представители землевладельцев, помещики-дворяне, крестьяне и духовенство. Земства решали все вопросы, связанные с образованием, сельским хозяйством, медицинской помощью (включая ветеринарную), строительством дорог. Мой муж в течение многих лет был активным членом нашего губернского земства. Он всегда старался взять отпуск так, чтобы попасть на весеннее заседание, и никакая тоска по дому, развлечения и необходимость заняться имением не могли помешать ему присутствовать на заседании земства. Увеличивался круг обязанностей земства; за счет введения специального налога на землю увеличился

бюджет земства. Эти средства шли на строительство школ и педагогических училищ. Но это была лишь часть работы, осуществляемой земством, хотя и этой информации достаточно для того, чтобы понять значимость этих влиятельных органов управления.

Много говорилось о положении крестьян, вызывавшем справедливое сочувствие, но крайне редко упоминалось о работе, направленной на улучшение их жизни. Перед войной в России было 20 тысяч сельскохозяйственных кооперативов, и в 1914 году крестьяне фактически владели большим количеством земли, чем дворяне; эта информация либо не известна за рубежом, либо ее попросту игнорируют. Думаю, что программа Александра II – единственный случай в истории, когда были созданы все условия, чтобы у освобожденного класса появилось будущее. То, что система крестьянского землевладения (крестьяне называли ее «мир») доказала свою неэффективность, не дает нам права забыть о том, что было сделано русским правительством. Время и обстоятельства требовали перемен; они наступили, и не следует принимать на веру бытующее на Западе мнение, что бедный крестьянин был жертвой царя и помещиков, которые всячески притесняли и угнетали его.

Я сама приехала в Россию, готовая критиковать всех и вся, и считала, что все зло от правящих классов, но многолетний тесный контакт с крестьянами и глубокие познания в сфере внутренней и внешней политики государства позво-

лили мне прийти к более продуманным и здравым выводам. Только в том случае, если мы примем во внимание сравнительно короткий промежуток времени, который отделял дикую Россию от России цивилизованной, не будем забывать о том, что это многонациональная страна и населяющие ее народы говорят на разных языках и обладают разной ментальностью, будем помнить о разнообразии климатических зон на этой огромной территории, сможем составить непредвзятое мнение о мотивах и ошибках прошлого. Представив гигантские трудности на пути к прогрессу, мы сможем увидеть многообещающие признаки быстрого улучшения ситуации в первой четверти XX века перед мировой войной. Только те, кто владел информацией и кто знал Россию изнутри, понимали, какие успехи были достигнуты за короткий промежуток времени. Я не закрываю глаза на то плохое, что было в прошлом; я помню, что сделало неизбежным крах старого режима. Но в России были государственные деятели и помещики, которые работали на благо людей; России хватало патриотизма, честности и таланта, чтобы пойти по пути развития или начать справедливую, своевременную революцию.

Когда я приехала в Россию, большинство крестьян в нашей губернии обрабатывали землю, находившуюся в общем пользовании, они жили в деревянных избах, удобных и теплых, но расположенных так близко друг от друга, что стоило загореться одному дому, как пожар, если еще помогал ветер, мгновенно охватывал всю деревню. Если случался по-

жар, полиция составляла официальный отчет о понесенных семьями потерях, физических и материальных, и давала разрешение на сбор средств для восстановления жилья. С этим документом кто-нибудь из членов семьи начинал обходить деревню за деревней, город за городом. Местные помещики охотно помогали стройматериалами, и вскоре появлялась новая деревня. При детальном описании чего-либо в России следует помнить о необъятности этой страны и различных климатических условиях, являвшихся причиной различий. Мы жили в Центральной России, между Санкт-Петербургом и Москвой, и я, естественно, описываю жизнь крестьян этой части страны. Вокруг были леса, и крестьяне жили в деревянных избах, в то время как на юге России крестьяне жили в хатах, крытых соломой.

Суровый климат диктовал свои требования к жилищу; главная цель – в доме должно быть тепло. Именно поэтому основной, самой заметной деталью интерьера была русская печь, настоящий центр крестьянской избы. Огромная внутренность печи выложена кирпичом, в ней готовилась пища, выпекался хлеб, коптились рыба и мясо, сушились грибы и ягоды, запаривались корма животным. Печь служила для обогрева всей избы⁵.

---

⁵ Русские (или духовые) печи служили основным источником тепла на Руси с XII–XIII и до начала XX столетия. Наиболее архаичным типом является курная (или по-другому «черная») печь. Печь была чрезвычайно проста по устройству, она представляла собой свод с довольно толстыми стенками, установленный на возвышении, называемом опечье. Пространство под сводом называлось духовой

Горячий дым проходил, я думаю, по 40–50 коленам, прежде чем попадал наружу, сохраняя тем самым каждую частицу тепла в помещении. Сверху на печи, на плоской площадке размером примерно 8 на 6 футов, устраивалась лежанка. Здесь лежали подушки, одеяла, овчинные тулупы. На теплой печи хватало места для всей семьи. Пришедший с работы или с рыбной ловли промерзший глава семьи залезал на печь и быстро отогревался. На печи купали младенцев. К печи инстинктивно тянулись больные. Дети часами играли на печи или спали, завернувшись в тулупы и одеяла, как котята в теплой корзинке.

Рядом с русской печью устраивались полати, вдоль стен стояли деревянные лавки, а в отгороженном сосновой перегородкой углу, в кухне, висели полки с домашней утварью. Полы в большой комнате, «гостиной», были покрыты домоткаными половиками. На стене в «красном» углу висели иконы. В простенке между окнами стоял стол. Дальше буфет с посудой, ряд стульев. На подоконниках цветы в горшках. Так, как правило, был обставлен дом зажиточного крестья-

---

камерой, или горнилом. В одном из торцов свода было устроено невысокое отверстие, именуемое устьем. Через него закладывались дрова в печь, через него же ставилась пища для приготовления. Перед устьем имелась площадка – шесток, выполнявшая функции столика. Дым от такой печки выходил прямо в избу, под потолок, а затем через специальное волоковое окошко наружу. Следующим этапом в развитии русских печей явилось добавление дымосборника (или перетрубы), расположенного над устьем, и дымовой трубы. С этих пор дым перестал выходить в избу и направлялся в трубу. Так как «черные» печи часто являлись причиной пожара, то Петр I даже издал указ о запрете их строительства.

нина. В жизни крестьян было мало удовольствий и много тяжелого труда. Долгими зимними вечерами молодежь собиралась в самой большой избе; девушки пряли, вязали, вышивали, а юноши играли на гармошках и балалайках. Рассказывали сказки и истории, танцевали, пели. С незапамятных времен на свадьбах, именинах, на посиделках пели русские народные песни.

Когда именины праздновали летом, деревенские улицы превращались в танцевальные залы. Все высыпало на улицу. Старухи сидели на скамейках под окнами домов, старики стояли группами, курили и делали прогнозы относительно урожая. Праздники длились два-три дня. В каждом доме был накрыт стол, водка лилась рекой. Крестьяне переходили из одного дома в другой, и вскоре под деревьями и заборами спали жертвы излишнего гостеприимства, которые были не в состоянии дойти до дому.

Глава 7

Медицина

Муж служил в Министерстве иностранных дел, и мы рассматривали наш дом в России как временное жильё. Мы могли, если бы захотели, приезжать в Россию на время отпуска мужа, но поскольку муж всегда служил на Ближнем Востоке, то было невыгодно на короткий срок ездить домой, и в большинстве случаев отпускное время мы проводили в путешествиях. Через восемь месяцев после нашего приезда в Россию муж получил назначение консулом в Багдад.

От самого названия этого города веет романтикой и приключениями, и, хотя мы много лет провели на Востоке, жизнь в Багдаде обещала новые впечатления. Так и случилось. Шли годы. Мы набирались опыта, завязывали отношения. У нас изменилось мнение относительно будущего, появился новый взгляд на международные отношения.

Из-за сильной жары нам предстояло в течение многих месяцев проводить дни в подвале, а ночи на крыше дома, и я плохо представляла себе, как мне удастся вести домашнее хозяйство в этих тяжелых климатических условиях⁶.

---

⁶ Дома в Багдаде строятся из кирпича и состоят из подвала и нижнего этажа, крыша которого представляет террасу. Почти все окна раскрываются в сторону двора. Летом, при господствующей там сильной жаре, жители проводят дни в подвальных помещениях (называемых сердаб), куда не проникает солнечная жа-

Кроме того, нам рассказывали страшные истории о скорпионах, ящерицах, змеях, заползающих в дома, а эти представители животного мира никогда не пользовались моей любовью. Но это уже «другая история».

В Багдаде в 1892 году родился наш первенец Георгий. Он стал подарком на день именин мужу и на день рождения мне, поскольку это случилось 12 июля, в День святых апостолов Петра и Павла.

Когда мы вернулись из Багдада, сыну было четыре месяца. Здоровье мужа было сильно подорвано, его сердце не выдержало жаркого климата Багдада. Приступы удавалось снимать, но полностью вылечить сердце не удалось, и оно в конце концов, стало причиной смерти мужа. Мы возвратились из Багдада в ноябре – из тропической жары в русский холод. По мнению врачей, муж должен был пойти на поправку, а вот для ребенка существовал серьезный риск простуды. Однако все опасения были напрасны; это был как раз один из тех вымышленных страхов, которые мы сами себе придумываем, ждем в невероятном волнении и которые, в конечном счете, не сбываются. Возможно, когда-нибудь я напишу книгу о минутах, складывающихся в дни, месяцы и годы, которые тратятся нами на это бесполезное занятие, на трату энергии и нервов. Как правило, я создавала себе трудности заранее, ждала и боялась самого страшного. В данном случае ребенок

ра и где сравнительно прохладно, ночью спят на террасах (плоских крышах) домов.

чувствовал себя прекрасно. Опять оказаться в стране с регулярной сменой времен года после пятилетнего пребывания в Багдаде, в котором было только три периода – жарко, очень жарко, невыносимо жарко, и увидеть снег – что могло быть прекраснее!

Ночью мы бросили якорь в Одессе и утром, выглянув в иллюминаторы, увидели землю, покрытую снегом. Этот зимний одесский пейзаж встретил нас после отъезда в 1889 году, он подействовал на мужа как тонизирующее средство, и с каждым днем ему становилось лучше. Когда мы на поезде доехали до Волочка, где должны были пересесть на почтовых лошадей, уже муж заботился обо мне, поскольку теперь мои силы были на пределе. К счастью, в тяжелые годы мы всегда по очереди «выходили из строя».

Зима была суровой, но снега было меньше, чем обычно; только местами дороги были занесены глубоким снегом. Большие сани на железных полозьях, в которые обычно запрягали почтовых лошадей, были слишком тяжелы для таких дорог, поэтому их заменили на длинные, низкие крестьянские сани без сидений на широких деревянных полозьях. Я сидела, глубоко провалившись в сено, тесно прижав к себе ребенка, и все время боялась, что он задохнется. Почти два дня мы преодолевали милю за милей при непрекращающейся снежной буре. Каждый раз, пока меняли лошадей, муж, отряхнувшись от снега, брал сына на руки. Ребенок, впервые попавший в условия суровой русской зимы, вопре-

ки опасениям врачей, чувствовал себя прекрасно, и мы привезли его домой здоровым, розовощеким и веселым.

Для восстановления здоровья мужа мы оставались в России почти два года. В течение этого времени муж активно занимается проблемами местного крестьянства. Его год за годом избирали в земство, даже в его отсутствие, и, приезжая в отпуск, муж сразу включался в работу. Он очень интересовался вопросами образования и улучшения жизни крестьян. Мужа назначили инспектором школы, пока еще находившейся в нашем имении, и нескольких других школ, расположенных поблизости. Кроме того, он был выборным судьей и присутствовал на заседаниях окружного суда, периодически проходящих в нашем провинциальном городе. Я ходила с мужем на совещания земства и постепенно прониклась крестьянскими проблемами, стала лучше понимать крестьян и отчетливо увидела, что в массе своей они препятствуют любым переменам. С подозрением относясь к любым новшествам, предложенным вышестоящими в их же интересах, крестьяне зачастую мешали осуществлять задуманное своим искренним друзьям, сводя все их усилия на нет.

К примеру, в европейской части России в земствах была хорошо отлаженная медицинская система. В нашей губернии имелись медицинские центры с бесплатной аптекой для бедняков. В каждом центре были врач, медицинская сестра и, как правило, акушерка. Такой центр обслуживал деревни в радиусе 12–15 миль. Земство обеспечивало медицинский

центр почтовыми лошадьми, так что крестьянам не приходилось отрывать своих лошадей от работы.

Русские крестьяне, как малообразованные люди во всем мире, больше верили в лечение домашними средствами и в знахарок, которые казались им более знающими, чем профессиональные врачи. Больницы вселяли в них ужас. Меня постоянно осаждали пациенты. Скоро я поняла, что могу многое сделать для них, сотрудничая с врачом, и заставить крестьян поверить в официальную медицину. Я познакомилась с персоналом нашего центра и поняла, как трудно врачам убеждать крестьян в необходимости принимать те или иные лекарства; они упорно не верили в медицину. Таким образом, мы заключили с врачами своего рода договор товарищества, который возобновлялся всякий раз, когда мы приезжали в Россию. В особо тяжелых случаях я шла к врачу и получала инструкцию, как действовать, а врач приезжал при необходимости, или оказывала первую медицинскую помощь, если больного не могли доставить в амбулаторию. В центре было одно место на случай непредвиденных обстоятельств, а также хорошая больница в городе, но потребность в организации небольших больниц, которые уже имели многие земства, становилась все более и более настоятельной; дороги находились в таком плачевном состоянии, что тяжелых больных было опасно везти в больницу. Мы сражались за каждую дополнительную статью расхода, но, наконец, у нас появилась маленькая «северная больница», и теперь уже

приходилось постепенно, шаг за шагом, завоевывать крестьян, объясняя и убеждая их в пользе официальной медицины. Расходы по организации больницы лежали на земстве, не считая небольшой помощи от Департамента здравоохранения. Я помню последнюю борьбу на заседании в земстве, на котором рассматривался бюджет больницы. Представители крестьян, превосходившие численно представителей интеллигенции, отчаянно сопротивлялись всему, что, по их словам, было ненужной роскошью. Им казались ненужными большие окна, поскольку они привыкли к маленьким окошечкам в избах, расходы на крашеные полы и ванные комнаты на каждом этаже, по их мнению, были неоправданными. Один из крестьян в длинной речи, адресованной моему мужу, представлявшему бюджет, сказал:

– Мы деревенские, а не городские, и не привыкли к таким вещам. Наши родители ходили в русскую баню. У них никогда не было ванн. Они не строили домов с такими большими окнами. И по некрашеным полам ходить ничуть не хуже, чем по вашим дорогим окрашенным. Вам хорошо говорить, но деньги пойдут из наших карманов.

Муж ответил, что все это он просит не для себя. Мы не имеем права пользоваться земской больницей, объяснил он, и платим врачу за каждое посещение, хотя наша доля налога значительно превышает долю крестьянина, поскольку у нас больше земли.

– Я не жалуясь, так и должно быть. Но хочу, чтобы вы

поняли: я настаиваю на ваннных комнатах и крашенных полах ради сохранения чистоты и удобства пациентов. Я прошу это ради ваших жен и маленьких детей, поскольку считаю, что все делается ради их пользы.

Потребовались годы, чтобы появилось небольшое здание больницы, построенное нашим кузеном. В ту зиму, когда мы жили дома, началась эпидемия тифа и многих детских инфекционных болезней. Я практически ежедневно с доктором или одна ходила по домам, выполняя все назначения, и видела, с какой готовностью крестьяне подчиняются мне. Мой брат, когда заказывал лекарства в Америке для своей больницы в Урумие, позволял мне вносить в заказ большое количество самых необходимых препаратов, в основном в таблетках. Однажды в отсутствие нашего врача я лечила и ухаживала за больными в окрестных деревнях, поскольку у медсестры было очень много работы. Когда доктор вернулся, мы вместе проехали по деревням, и, к моей радости, доктор согласился с поставленными мною диагнозами и методами лечения, но я, конечно, возразила, что только выполняла его инструкции. После первого приема у врача жены и матери пришли ко мне. В одном случае после «нового лекарства» у пациента «все вспучилось», в другом – началась изжога, и далее длинный перечень самых неожиданных симптомов. Они вернули все микстуры и порошки и просили дать мои, которые так хорошо действовали на них. Я поехала в больницу, чтобы поговорить с доктором. Он был понимающим

человеком и искренне хотел добиться доверия крестьян. Он пошел вместе со мной по домам и пообещал недовольным крестьянам, что я буду давать им лекарства. Так что я давала лекарства, но приготовлены они были доктором; это были те же самые лекарства. Тут же произошло чудо. Все непонятные симптомы исчезли, и наступило резкое улучшение здоровья! Мы несколько раз брали анализы, и результат был одним и тем же. В докладе, сделанном на земском собрании, доктор привел проделанный нами опыт в качестве иллюстрации того, с какими трудностями сталкивается научная медицина в деревнях.

Эпидемия тифа вспыхнула во время Великого поста, когда не едят мясо, яйца, молоко. В это время крестьяне употребляют в пищу ржаной хлеб, квашеную капусту, кашу, соленые грибы, огурцы и растительное масло. Никто не мог заставить их пить молоко или бульон, ни я, ни доктор. Тогда мой муж послал за священником, который вместе с нами стал ходить по домам. Он говорил с крестьянами, объясняя им, что во время болезни можно сделать исключение и даже во время Великого поста надо выполнять предписания доктора. Тем не менее кое-кто из крестьян проявил невероятное упорство и умер, а в некоторых случаях, бросив вызов науке, пациенты стали быстро выздоравливать. Мне особенно врезался в память один случай, когда я с огромным трудом убедила мать дать своему четырехлетнему ребенку, больному тифом, молоко и бульон вместо щей и ржаного хлеба.

Добросовестно, дважды в год проводилась вакцинация детей во всех деревнях, об этом позаботилось земство. Причем крестьяне не только не оказывали сопротивления, а с редким гостеприимством принимали врачей.

Рядом с нашей больницей располагался ветеринарный пункт с бесплатной аптекой и стойлами, в которых крестьяне в случае необходимости могли оставлять лошадей и других домашних животных. Когда вспыхивали эпидемии, главный ветеринар губернии направлял квалифицированных помощников в деревни. Они рассказывали крестьянам о симптомах заболеваний и объясняли, какие принимать предупредительные меры и как лечить то или иное заболевание. В этих случаях у меня тоже возникало много проблем. Крестьяне приводили ко мне лошадей и коров или просили пройти по деревням, и я никогда не отказывалась.

Благодаря этим случаям я по-новому взглянула на русское самодержавие. Ни одно правительство не делало так много для крестьян, давая возможность получить бесплатное образование и лечение. Но имелась в этой системе и отрицательная сторона. Крестьяне, лишенные необходимости проявлять инициативу, абсолютно не развивались. Их не допускали к решению политических вопросов, и излишняя «родительская» забота способствовала развитию черт характера, которые позже позволили им так долго подчиняться большевистской тирании.

Глава 8

Светлые и темные полосы

В 1893 году родился наш второй сын, Александр, единственный из трех сыновей, который согласно действующим иммиграционным законам США мог считаться русским. Летом следующего года муж был назначен представителем от Министерства иностранных дел в специальную пограничную комиссию по вопросу урегулирования границы Памира, в которую входили, помимо России, Англия и Афганистан. Он уехал из Ташкента в мае, а в августе мы с детьми выехали к нему.

Оглядываясь назад, могу сказать, что жизнь в Ташкенте была одним из самых приятных эпизодов, связанных с Востоком. Мало того что русский Туркестан (Самарканд, Бухара, Хива) был интересен с исторической точки зрения, так там еще были прекрасный климат и условия жизни. Памирская экспедиция, в которой участвовал мой муж, была одним из уникальных событий, описанных в книге, относящейся к моей жизни на Востоке. Месяцы, проведенные на Памире, на высоте порядка 14 тысяч футов, где сильные мужчины страдают от горной болезни, оказались почти смертельными для моего мужа, и я привезла его домой в худшем состоянии, чем когда мы возвращались из Багдада. Состояние его здо-

ровья потребовало долгого пребывания в родном климате. В действительности отдых длился недолго; очень скоро муж был вовлечен в активную деятельность, поскольку благодаря накопленному опыту оказался единственным на тот момент человеком, способным выступить в качестве консультанта.

Казалось бы, какая связь между эпидемией холеры и местами паломничества мусульман в Аравии? Но только глубокие знания мусульманской религии и истории паломничества, великого праздника Курбан-байрам⁷, когда в жертву приносятся десятки тысяч животных, и тщательное изучение всех караванных и морских путей, которыми возвращались паломники-мусульмане в Россию, позволили разгадать причину странных вспышек холеры в разных частях России.

В опубликованной статье муж сделал вывод, что, заранее зная даты и пути следования паломников, Россия может принять меры для предупреждения и предотвращения бедствий,

---

⁷ Курбан-байрам (праздник жертвоприношения) – наиболее значимый для мусульман праздник. Он начинается через 70 дней после окончания 30-дневного поста в месяце рамадан, длится три-четыре дня и совпадает с днем завершения паломничества в Мекку. Курбан-байрам символизирует для мусульман истинность учения Мухаммеда, ниспосланного ему в откровении, а также всемогущество и милосердие Всевышнего Творца. В дни Курбан-байрама мусульмане просят у своих близких прощения за плохие поступки, дарят подарки и посещают могилы предков. Верующие прославляют Аллаха и свидетельствуют свои добрые намерения относительно окружающих и даже иноверцев. На время праздника прекращаются военные действия и любые споры. Основным ритуальным действием Курбан-байрама является принесение кровавой жертвы (обычно барана или верблюда); объясняется культом древних кочевников-скотоводов, приносивших жертвы духам пустыни с целью «задобрить» их.

вызванных эпидемиями. Изучение этого вопроса было поручено специальной комиссии, которой Министерство иностранных дел «одолжило» моего мужа. Его работа на новом поприще задержала нас на два года в России.

В этот двухлетний период, когда я уже хорошо владела русским языком, мне стало проще устанавливать контакты с людьми разной классовой принадлежности, я поняла, что, каким бы либеральным ни было правительство, волнения неизбежны. Критика и недовольство высказывались в основном не со стороны крестьян. Средние классы, интеллигенция образовывали различные партии, подготавливая почву для дальнейших действий. В нашей губернии крестьяне не испытывали «голода по земле». Их жизнь была заполнена тяжелым трудом и трудностями, связанными с долгой суровой зимой. Но в общепринятом смысле, как считали за границей, они не страдали ни от деспотизма царя, ни от бюрократического аппарата и казаков. Серьезная ошибка заключалась в том, что с крестьянами обращались, как родители обращаются с неразумными детьми, не давая возможности развиваться и проявлять инициативу.

В 1897 году муж был назначен консулом в Мешхед⁸.

---

⁸ Мешхед (в переводе «гробница») – главный город персидской (иранской) провинции Хорасан, на реке Теджен, в хорошо орошенной, плодородной местности; важнейший город в северо-восточной Персии, так как находится на перекрестье нескольких торговых путей. Множество караван-сараев. В окрестностях Мешхеда мечеть Мусалла, мавзолей Хаджа Раби, могила поэта Фирдоуси. Мешхед – Мекка шиитов – привлекает множество паломников.

Пост был очень важным, поскольку границы с Афганистаном и Индией доставляли массу проблем, но муж, имея опыт, приобретенный в Багдаде и на Памире, был способен справиться с этой работой. Мы опять отправились в Персию. Мешхед, одно из самых священных мест на земле, был интереснейшим со всех точек зрения городом. Но это уже другая история.

После пяти лет, проведенных в этом уникальном городе, мы вернулись домой. Из Мешхеда мы привезли нашего последнего, третьего сына, которого, как искренне верили персы, ждала счастливая судьба, поскольку он родился в Мешхеде и имел все привилегии «мешхедца». Вероятно, длина собственного имени – Мешхеди Юсуф-хан – заставила нашего маленького Иосифа еще в младенческом возрасте сократить свое имя до коротенького Ока, как мы его и стали называть в семейном кругу. Итак, с тремя красивыми здоровыми мальчиками и мужем я вернулась в Россию. Какой радостной казалась тогда жизнь!

Глава 9

Канун мировой войны

Мы плыли по Волге в самый разгар весны. Зима уступила дорогу весело звеневшим ручьям, на деревьях набухли почки, хотя на северных склонах еще лежал снег. Река вышла из берегов, и на плоскодонках можно было плыть не по реке, а прямо по затопленным полям и лугам.

Мы ехали на север и словно возвращались в начало весны. Деревья только начинали просыпаться; на северных склонах лежали снежные сугробы. Только в северных странах, в одной из которых жили мы, так явно виден приход весны. Небо необыкновенно нежного розоватого оттенка; звонкие ручьи, выбегающие из-под снега, с шумом преодолевают естественные преграды; лес, насыщенный ароматами. Все это говорило о пробуждении новой жизни.

После гор и безлесных равнин Персии и Туркестана леса и зеленая трава казались нам невыразимо прекрасными. Дети очутились в новом для себя мире. Привыкшие играть за высокими стенами, выходить за пределы консульства только с няней и гувернанткой и в сопровождении эскорта, они в полной мере наслаждались свободой, проводя время в лесу или на озере. А перед нами встала проблема, которая всегда является наиболее болезненной для тех, кто вынужден жить

за границей. Теперь мы осознали, что наша счастливая семейная жизнь закончилась, и если раньше мы не задумывались над этим вопросом, то пришла пора заняться им всерьез: мы должны были подумать об образовании двух старших сыновей. Взять их с собой туда, где нет русских школ, было неразумно; оставить в России и расстаться на годы – об этом не хотелось даже думать. Значит, надо было сделать так, чтобы муж получил назначение в такое место, куда мальчики могли бы приезжать на каникулы, а мы могли навещать их. Следовательно, расстояние между нами, а не продвижение по службе или зарплата стало для нас определяющим фактором. Проведенные дома полтора года доставили всем огромную радость, и единственное, что омрачало нашу жизнь, – необходимость принять какое-то решение.

К тому же в то время у нас появились серьезные причины для беспокойства. Усилилось недовольство правительством среди тех, кого мы привыкли называть интеллигенцией. Александр III был могущественным, справедливым правителем. По натуре добрый, побуждаемый чувством долга, он искренне хотел способствовать развитию своего народа. Император верил в свое предназначение и требовал повиновения. К сожалению, ужасная судьба его отца наложила отпечаток на его правление; его политика оказалась реакционной – в смысле реакции на предшествовавшие события. Выступая против либеральных реформ, особенно в образовательной сфере, он, несомненно, искренне верил, что делает

это исключительно на благо страны⁹.

В 1902 году Россией правил человек честный, благородный, преданный своей стране и ее интересам, как он их осознавал. Он не был дальновиден, однако осознавал, что наступает переломный момент в судьбе России. Если со временем *не дать* представительную форму правительства, то она будет *взята*, и если форма абсолютного монархизма не будет добровольно изменена на представительный орган, стоящий между самодержцем и народом, то рано или поздно это будет достигнуто силой.

Самый трагический пример превратности судьбы, как мне всегда казалось, в том, что Николай II родился, чтобы править в такой стране, как Россия. По своим качествам он совершенно не подходил на роль монарха. Человек мягкий, хорошо воспитанный, идеалист, любивший дом и семью, он был центром круга близких друзей, доброжелательно относился к своему окружению и был всеми любим. Вот таким представляется мне последний русский монарх.

Движимый стремлением взять политический курс на развитие своего народа, Николай II испытывал недостаток силы перед лицом оппозиции и находился во власти самого непод-

---

⁹ Подавление антиправительственных выступлений и высказываний, уверенная и профессиональная защита интересов России в экономике и внешней политике принесли свои плоды. В крупных городах стало спокойнее, радикалы всех мастей выезжали за границу, хозяйство и промышленность интенсивно развивались. И наследник Александра III, последний русский император Николай Александрович принял власть в относительно благополучной стране.

ходящего советника. В связи с этим мне вспоминается случай, который, поскольку муж часто ссылался на него, запечатлелся у меня в памяти. В одном из разговоров мой деверь князь Шаховской, приобняв мужа за плечи, сказал с мрачным спокойствием:

– Запомни мои слова, Петр. Этот мальчик (имелся в виду недавно взошедший на престол Николай II) заставит Россию и весь мир купаться в крови. Господи, помоги ему и нам!

В ответ на наше бурное возмущение он объяснил, что не думал подвергать сомнению справедливость, человечность, свободомыслие и миролюбие монарха; он считает, что беспринципные влиятельные лица в своих интересах используют слабохарактерность Николая II. Князь был уверен, что России нужна твердая рука.

Я попытаюсь выразить, возможно, несколько туманное и поверхностное мнение, которое создалось у меня в тот период. Поскольку мы возвращались в Россию лишь время от времени и по несколько лет жили вдали от дома, изменения к лучшему или худшему резче бросались в глаза, как если бы мы никуда не уезжали. Существенные изменения коснулись представителей земства, провинциального духовенства и, прежде всего, студенчества; они заняли критическую, если не сказать враждебную, позицию по отношению к правительству. Что касается духовенства, то этот факт опровергает один из основных аргументов, используемых современными большевиками в качестве оправдания преследования

православной религии; ведь согласно их утверждению, духовенство было «слепым орудием» самодержавия. Мой личный опыт говорит об обратном. Крестьян в меньшей степени коснулись изменения, по крайней мере в нашей губернии, где, как я уже говорила, они не испытывали «голода по земле». Крестьяне вели себя как обычно: жаловались на невыносимо тяжелый труд. Это большевики расшевелили равнодушные массы, которые были не способны сформулировать причины собственного недовольства. Но советское правительство столкнулось с неожиданным для себя результатом: крестьяне прекрасно понимали, что их прошлое было далеко от безбедного существования, но их настоящее принесло им еще меньше роз, зато больше совершенно неожиданных шипов. Таким образом, в 1902 году мы почувствовали, что нечто угрожающее висит в воздухе; идет какая-то активная подготовка, и никто из окружения молодого императора не обладает достаточной прозорливостью или смелостью, чтобы указать и настоять на том пути, который, если пойти по нему в нужное время, станет спасительным для России. Россия могла и была в состоянии решить проблему собственного спасения. Увеличилось количество университетов и других учебных заведений не только в больших городах, но и в провинции. В нашем земстве появилось много школ, в которых учились крестьяне. Школа, прежде размещавшаяся в нашем имении, находилась теперь в центральной из пяти деревень. Школьное здание было построено с учетом совре-

менных требований.

Но, несмотря на сгустившиеся тучи, мы видели много светлого: большие успехи в экономической и промышленной жизни страны, на транспорте, в сфере железных дорог, в образовании. В некоторых деревнях, помимо имевшихся там медицинских пунктов, добавились ветеринарные. Теперь зимой в деревни приезжали специалисты, которые читали лекции и вели практические занятия по самым разным темам: методы обработки земли (с демонстрацией сельскохозяйственной техники), разведение молочного скота, оказание первой помощи домашним животным.

Что касается наших домашних дел, то мы оставили двух старших мальчиков в гимназии, закрытом учебном заведении, в котором, в числе прочих, учились крестьяне. Основной упор в гимназии делался на развитие умственной деятельности, а физической культуре не уделялось должного внимания. Нам не на что было жаловаться – мальчики прекрасно учились.

Зима, всегда превосходная, принесла нам массу развлечений в Бортниках, а поездки в Санкт-Петербург открыли почти забытый мир оперы и театра. Однако нас угнетала будущая неизвестность. Мы рассматривали множество вариантов и тут же отвергали их, думая о детях. Наконец, господину Понафидину было предложено отправиться в Константинополь на освободившееся место генерального консула.

Это было решением нашей проблемы! Каждый год из де-

сяти лет, проведенных в Константинополе, или мальчики приезжали к нам на летние каникулы, или муж брал отпуск, и мы приезжали в Бортники, где жили с мая по сентябрь; такая возможность появилась благодаря тому, что пять или шесть лет муж работал без отпусков. Рождественские каникулы мальчики проводили в Бортниках. Они учились стрелять, ходить на лыжах и всегда с нетерпением ждали зимних каникул, чтобы заняться спортом. В общем, мы все были счастливы.

Глава 10

В военное время

За десять лет, проведенных нами в Константинополе, не только в России, но и на всем Востоке произошли серьезные изменения. Русско-японская война с ее катастрофическими последствиями; революция младотурков¹⁰; война между Турцией и Италией. Все эти события прошли не просто на наших глазах, они были частью нашей жизни. Для нас страшным ударом стала смерть моего брата доктора Кохрана и слабеющее зрение мужа.

В течение этих лет мы приезжали в мае в Россию, а в сентябре возвращались в Константинополь. Это давало нам воз-

---

¹⁰ В начале 90-х годов XIX века в Турции сформировалась новая идеология. Движущей силой новой идеологии, получившей название движения младотурков (по названию эмигрантского журнала «Молодая Турция»), были студенты, курсанты и молодые офицеры. В отличие от просветительски-исламского характера идей «новых османов» младотурки имели в качестве идеологической основы пантюркизм, турецкий патриотизм, конституционизм и либерализм («отчизна, нация, конституция и свобода»). Уже в 1896 году они предприняли попытку государственного переворота. Революция младотурков началась в 1906 году, и в 1908 году революционеры взяли власть в Македонии. Посланные на их подавление войска перешли на сторону восставших. Султан Абдул-Хамид вынужден был передать восставшим контроль над исполнительной властью и согласился на выборы парламента. В первые дни после победы революции на улицах Стамбула (Константинополя) началось стихийное братание между мусульманами, христианами и евреями, даже между турками и армянами.

возможность отслеживать события, происходившие на Востоке и имевшие последствия мирового значения, и в то же время мы могли лично наблюдать за калейдоскопом изменений, происходящих в России.

Мы с тревогой наблюдали, как над Россией скапливаются грозные тучи: партийная борьба, утрата веры в правительство и, наконец, революция 1905 года. Полумеры привели к кровопролитию и страданиям. Дума представила ряд радикальных изменений и приступила к их реализации, но реально действующее конституционное правительство так и не было сформировано. Если бы это удалось сделать революции 1905 года, то не последовало бы событий 1917 года и история России не писалась бы кровью на протяжении многих лет. В течение последующих лет мы, не закрывая глаза на допущенные ошибки, с удовлетворением отмечали удивительно быстрые успехи, сделанные Россией в сфере образования, дорожного строительства и других сферах государственной жизни. Все это убеждало меня, что Россия способна решать собственные проблемы и в скором времени преодолеет трудности, которые тормозят ее развитие. В России есть честные люди, способные управлять страной, довести ее, через прогресс, а не революцию, до такого положения в мире, которое, я в этом абсолютно уверена, ей предначертано занять. Хотя мы предвидели проблемы в будущем – возможно, политическую революцию, которая внесет изменения в конституцию, – однако плохо представляли, что ждет нас впереди.

После страшных событий, вызванных двумя революциями и Гражданской войной, мы почти забыли войну, от которой содрогнулся весь мир.

Незадолго до войны муж был вынужден уйти с государственной службы по состоянию здоровья и уже как гражданское лицо обосноваться в России.

В 1912 году мы осели в России в надежде на долгую счастливую семейную жизнь. Два наших старших сына учились в университете, а младший – в Александровском лицее в Санкт-Петербурге. Муж, не привыкший к праздной жизни, с невероятной энергией приступил к реализации различных проектов. Все, что имело отношение к России, муж всегда принимал близко к сердцу. Он активно подключился к работе земства, особенно в сфере образования. Кроме того, он вплотную занялся имением, внедряя самые современные разработки в сфере сельского хозяйства. Одним словом, продолжил заниматься тем, чем занимался, по мере возможности, находясь в течение многих лет вдали от дома.

Муж мечтал работать в Думе, но был вынужден отказаться от этой затеи в связи с участвовавшими сердечными приступами и резко ухудшившимся зрением. Таким образом, он полностью сосредоточился на Бортниках и одновременно собирал материал для книги о пограничной комиссии на Памире. Несмотря на продолжавшиеся партийные трения и недовольство всех слоев населения существующим положением, страна медленно, но неуклонно двигалась по пути ре-

формирования. Я думаю, что если бы не война, то лучшие люди России смогли бы достигнуть цели, в случае необходимости и путем революции, но не усугубленной войной, политической, а не социальной. Два предвоенных года мы вплотную занимались вопросами, имевшими отношение к образованию, лечению и землепользованию.

Короткие зимние дни оставляли мало времени для работы, зато длинными зимними вечерами можно было в свое удовольствие читать или заниматься писательским трудом. Как только был «улажен» дорожный вопрос, в нашу волость, состоявшую из 40 деревень и ряда поместий, пришло письмо из центрального земства с предложением направить к нам комиссию в составе нескольких специалистов для проведения учебного курса и с просьбой определить место проведения занятий. Господин Понафидин предложил в качестве учебного центра наше имение.

Члены комиссии, восемь докладчиков, приехали в нескольких санях и привезли с собой крупногабаритные механизмы, приспособления и тому подобное. Во все деревни разослали извещения с указанием лекционных часов и дней, когда специалисты будут посещать деревни. Крестьянам, жившим более чем в 4 верстах от нас, обещали выдать деньги на ужин, чтобы они могли поужинать в ближайшей от нас деревне. Деньги выделило земство, чтобы крестьяне не имели повода отказаться от участия в занятиях.

В утренние часы члены комиссии посещали деревни, зна-

комились с местными проблемами, в каждой деревне отбирали одну или несколько коров в экспериментальных целях. С подозрением относясь ко всяким новшествам, крестьяне наотрез отказывались отдавать коров, пока земство не пообещало, что обеспечит коров кормами. Тогда в каждой деревне крестьяне сочли выгодным, чтобы отбирали именно их коров. В течение недели тщательно взвешивались корм, съеденный коровами, и надоенное молоко. Следующие семь дней кормили по датской методике, которую земство собиралось ввести в России. По прошествии двух недель результат превзошел ожидания. Я отобрала пять наших коров разного возраста и присутствовала при каждом кормлении и дойке. Мы выяснили, что, пользуясь старым, проверенным способом, тратили в день на каждую корову 49 копеек. С помощью новой методики, используя в качестве корма свеклу и сосредоточив корма в пределах досягаемости каждого крестьянина, ежедневный расход на корову снизился до 42 копеек, а надои существенно увеличились, в некоторых случаях на 25 процентов в неделю.

На вечерних лекциях специалист по разведению молочного скота популярно объяснял, какую часть сена и соломы (используемых исключительно как фураж) можно продать, чтобы покрыть расходы на другие корма, как выращивать свеклу и турнепс и как добиться высоких надоев. И мы увидели результаты. Наш пастух, который поначалу со снисходительной вежливостью относился к этим новомодным идеям, пре-

вратился в ревностного сторонника, и было забавно смотреть, как он отчитывает своих товарищей за их упрямство, невежество, консерватизм.

Уроки дойки давали все те же приехавшие к нам специалисты, хотя в России это испокон века было женским занятием, и ни одна обладающая чувством собственного достоинства корова не позволит мужчине доить себя. Своенравные коровы не давали продемонстрировать женщинам, насколько проще и эффективнее доение «сжатием», а не «щипком». Эти занятия оскорбляли крестьянок. Некоторые из доярок были уже немолоды, а инструкторы – молодые мужчины, и я часто слышала громкие голоса, заглушающие звук молочных струй, бьющих в ведро.

– Уходите, вы не можете учить меня. Я доила коров, когда вы еще не родились. Это женская работа, и вы ничего в этом не понимаете.

Несмотря на очевидные преимущества нового способа, мы топтались на месте. Коровник был длинным, коровы стояли в отдельных денниках, и, пока крестьянки доили, я ходила взад-вперед. Когда я останавливалась или появлялась в поле зрения доярки, она доила по-новому, но стоило мне отойти, как по звуку падающего в ведро молока я понимала, что она доит старым дедовским способом. В наших деревнях, не считая двух-трех крестьян, никого не удалось убедить работать по-новому. Крестьяне доказали свой консерватизм, но трехнедельный курс, проведенный в Бортниках,

открыл нам глаза на сложность задачи, стоявшей перед теми, кто искренне старался помочь крестьянам, облегчить их тяжелый труд. Нам было понятно, что потребуется много лет, прежде чем крестьяне поймут выгоду от подобных курсов. Инициативные, умные крестьяне, принявшие столыпинские аграрные реформы и вышедшие из крестьянских общин, были единственной многообещающей группой. Этих крестьян, названных позже кулаками, Советы в пылу национализации декретом приговорили к уничтожению как класс!

Дни были отведены под практическую демонстрацию техники, посещение деревень и ветеринарную работу. Приехал сам начальник ветеринарного департамента Тверской губернии, и я неотлучно находилась при нем, поскольку оказывала «скорую помощь» не только нашим лошадям и скоту, но и домашним животным из окрестных деревень.

Вечером читались лекции. Я запомнила одну такую лекцию, прерванную крестьянином, который привел больную лошадь. Все высыпали в заснеженный двор; ветеринар осмотрел лошадь, поставил диагноз и дал рекомендации.

Несколько вечеров специалист из земства, развесив по стенам пучки высушенных трав (на каждом была бирка с названием), рассказывал о луговых растениях, какие из них идут на корм, какие следует уничтожать. На стенах также висели фотографии возделанных полей нашей губернии, и лектор рассказывал о разных способах обработки полей под зерновые культуры, ручную и с помощью машин. Он гово-

рил на привычном для крестьян языке, отвечал на вопросы, и занятия затягивались до позднего вечера.

Мы были потрясены энтузиазмом и беззаветной преданностью своему делу этих представителей земства, прилагавших все усилия, чтобы занятия принесли практические результаты. Лично мы получили огромную пользу от этого мероприятия. «Мастер по изготовлению масла» заложил основу под изготовление нашего будущего продукта; масло из Бортников отмечалось в годовых отчетах как лучшее в губернии.

Я отвечала за маслобойню и медицинское обслуживание лошадей и домашнего скота, поэтому вставала на рассвете и следила за кормлением, дойкой и изготовлением масла. Муж занимался более глобальными вопросами. Вместе с крестьянами на полях, через которые проходила главная дорога, он разбил опытные делянки, засеянные одной культурой, но обрабатывались делянки разными способами с использованием разных удобрений. Потом муж наглядно на графиках объяснял крестьянам преимущества того или иного способа обработки почвы, внесения удобрений.

Значительно улучшилось медицинское обслуживание крестьян. Когда началась война, в 43 губерниях, имевших земства, было в общей сложности порядка 3300 медицинских пунктов, в которых крестьяне могли получить бесплатные лекарства и медицинскую помощь.

Здесь, пожалуй, уместно сказать об особой любви кре-

стьян к русской бане. В деревнях, расположенных возле нашего озера, было много небольших бревенчатых домиков – бань. Если рядом не было озера, бани ставили у речек, родников. Зажиточные семьи имели собственные бани. Иногда бани строили сообща, на несколько семей. По субботам на песчаном берегу озера женщины чистили самовары, медную домашнюю утварь, приглядывая за топящимися банями. Уборка избы тоже входила в субботнюю программу.

Днем и вечером народ шел в баню; каждый нес под мышкой свернутый в рулон кусок чистого льняного полотна, а в руке березовый веник. В бане крестьяне по очереди стегали друг друга вениками и парились; в бане не только мылись, но и разминали усталые мышцы.

Женщины ходили в баню с детьми всех возрастов, даже с младенцами. Нужен был веский повод, чтобы растопить баню не в субботний день. Первым средством при больной спине, простуде, лихорадке у крестьян всегда была русская баня.

Бани обычно строились на безопасном расстоянии, поскольку рано или поздно, но результат был один – они сгорали. Однако крестьяне центральной и северной частей России не мыслили себе жизни без бани, хотя в некоторых уголках империи их не было. Когда в трудные 1918–1919 годы сотни наших крестьян отправились в южном направлении в поисках муки, по возвращении они рассказывали жуткие истории о русских, у которых нет бань!

У мужа стало резко ухудшаться зрение, и я сопровождала

его на собрания земства. На собраниях, где я присутствовала, крестьяне были в абсолютном большинстве. Поскольку почти все деревенские школы находились в ведении земств, абсолютно нелепым было убеждение крестьян, что им не разрешают получать образование. Весной 1914 года на земском собрании я, выслушав нескольких докладчиков, поняла, что есть полное основание надеяться, что через три года у нас будет достаточно школ и учителей, чтобы гарантировать на большей территории европейской части России всеобщее образование. Быстрыми темпами шла ликвидация неграмотности среди молодежи.

Часто из виду упускается тот факт, что после отмены крепостного права крестьяне (практически поголовно неграмотные) составляли 85 процентов населения страны, в которой суровые зимы и плохие дороги создавали дополнительные проблемы для получения образования крестьянами, жившими в разбросанных дальних деревушках. Не хватало школьного оборудования, учебников и т. п. В течение первых 15–20 лет после отмены крепостного права многие выступали против получения бывшими крепостными образования. Опасно, заявляли они, получить огромную массу полубразованных крестьян. Однако последние годы XIX столетия и первые 14 лет XX стали свидетелями огромных успехов в сфере образования во всей империи.

В течение этих лет появлялось все больше мужчин, выходцев из крестьян, занявших видное положение в различ-

ных сферах общественной и научной жизни. Ряды аристократии постоянно пополнялись людьми из так называемых «низов». Образование в России широко распахнуло двери, как ни в одной известной мне стране. Образованные люди могли подняться из самых низов даже до получения титулов. Я помню, что часто, когда я спрашивала мужа о таком-то или таком-то, он отвечал:

– Он закончил университет.

Это было равнозначно определению «успешный бизнесмен», «глава крупной корпорации». Такой крупный ученый, как профессор Сорокин, выходец из крестьянского сословия, теперь работает на кафедре социологии и экономики в Гарвардском университете. По его словам, процент занявших видное положение мужчин, выходцев из низших слоев, в России такой же, как в демократических странах.

Что касается неграмотности среди крестьян, то ее показатель резко падал с каждым новым поколением. В 1918 году мой сын Алек, который во время мировой войны служил военным инструктором в нашей волости, обнаружил, что из приблизительно семисот новобранцев-крестьян только шесть-семь человек были неграмотными. Тем не менее ничему так искренне не верят в отношении России, как тому, что крестьяне были неграмотными, а причиной их неграмотности была преднамеренная политика царского правительства.

Глава 11

Роковой год

Вот таким было положение в России в тот июльский день, когда известие об объявлении войны достигло Бортников. Теперь в 1915 году правительство столкнулось с серьезной проблемой, связанной с доставкой ресурсов в разбросанную по всей стране армию. Увеличилось количество невооруженных войск, и, соответственно, падал боевой дух солдат. Началось разложение в армии. Солдаты уходили с передовой и возвращались домой, в деревни. Росли разногласия между Думой и правительством. Мужу, беспомощному, проводящему основное время в постели, все представлялось в черном свете. Он предвидел будущие события раньше любого из нас. Муж с тревогой наблюдал за растущим расколом между Думой и правительством. Он пришел в ужас от решения императора взять на себя командование в тщетной надежде заслужить доверие армии. Императрица с дочерьми приняла активное участие в работе Красного Креста, тем самым войдя в более тесный контакт с фронтом. Тут же поползли невероятные слухи о ее влиянии на смещения и назначения на должности, которые были выгодны врагу. Императрица и Распутин, вне всякого сомнения, несли ответственность за многое, но не вызывает сомнения и то, что императрица ни-

когда сознательно не говорила слов и не предпринимала действий, которые могли бы навредить России.

В то время не только Дума боролась за коренные преобразования. Члены императорской семьи, начиная с вдовствующей императрицы, различные организации, в том числе Дворянское собрание, оказывали давление на императора, но все было тщетно.

В первые годы мы почувствовали, вероятно меньше, чем другие народы, влияние войны на нашу жизнь. Пропали импортные товары, предметы роскоши; подскочили цены на многие предметы первой необходимости, но проблем с продуктами не было. Русские всегда отличались свойством жить сегодняшним днем, не задумываясь о будущем, и война (все верили, что она не протянется долго) не была исключением. Тем не менее все наши мысли были о войне.

В апреле 1915 года Георгий женился на Вере Семковской. Ее присутствие зимой 1915/16 года наполняло радостью наш дом. Георгий находился на фронте. Алек служил в штабе авиации. Ока учился в лицее. Мы ежедневно переживали, читая длинные списки убитых, раненых и пропавших без вести. Казалось, каждое чтение этих списков отнимает у нас год жизни. Я торопливо пробежала глазами список, боясь увидеть в нем фамилию Понафидин, и только потом внимательно изучала его. Как мы радовались, получая открытку, в которой были всего два слова: «жив, здоров».

К нам ежедневно приходили крестьяне с посылками. Они

просили нас отправить посылки в Германию сыновьям, попавшим в плен. Одна старая женщина прошла пешком несколько миль, чтобы принести посылку для сына.

– Скажите мне адрес сына в Германии.

– Вы умнее меня, несчастной старухи. Вы сами напишите.

– Я напишу, если вы дадите мне адрес.

– Напишите, вы же умнее меня.

– Может, я и умнее, но не могу написать адрес, которого не знаю.

– Вы все знаете. Вы должны знать, где он.

– Ваш сын присылал свой адрес?

– Да, конечно, он написал, что ему прислать.

– А он написал, куда прислать? Его письмо с вами?

– Нет, я думала, что вы такая умная, что знаете, куда послать посылку.

Бедняжка пришла в ужас, когда поняла, что должна сходить домой за письмом.

Правительство предложило использовать военнопленных вместо ушедших на фронт мужчин; мы крайне нуждались в рабочих руках. До окончания революции у нас работали немцы и австрийцы. Мы должны были одевать их, кормить и давать немного карманных денег. Кроме того, мы несли за них ответственность. Муж объяснил им, что мы отвечаем за них, и выразил надежду на взаимопонимание. Мы готовы предоставить вам свободу, в том числе и передвижения, сказал муж, но только в том случае, если вы дадите слово не вы-

ходить за пределы поместья, не поставив нас в известность. Военнопленные были поражены, встретив такое отношение; ведь им упорно внушали, что русские отличаются особой жестокостью. Позже один из военнопленных признался нам, что в первые недели он, просыпаясь ночью и слыша русскую речь, покрывался холодным потом, поскольку думал о пытках, которые ждут немецких военнопленных.

Интересно было наблюдать за отношением крестьян к пленным немцам. Не было ни злобы, ни ожесточения. Часто крестьянки приносили пленным пирожки, соленья и другую еду и, отдавая одному из них, говорили:

– Возьми поешь. У меня сын в плену в твоей стране, и, может, там к нему тоже относятся по-доброму. Мы друзья. Вы должны подчиняться вашему императору, а мы нашему, но мы не испытываем к вам ненависти.

Мы убедились, что пленные трудолюбивы, добросовестно относятся к любой работе, что характерно для немецкой нации в целом. Как-то надо было отремонтировать один из мостиков через ручеек, и они пришли за уровнем – это чтобы всего-навсего перебросить несколько досок через ручей! Когда я выразила удивление, один из немцев, усмехнувшись, сказал:

– Я вырежу свое имя и дату на одной из досок в честь этого события!

Поначалу мы опасались разногласий между пленными и крестьянами и решили, что пленные будут есть и спать от-

дельно от русских, но наши крестьяне попросили нас не делать этого. Вечерами они вместе возвращались с полей и по очереди пели маршевые патриотические песни. У нас никогда не возникало межнациональных конфликтов до тех пор, пока не началась революция. Случавшиеся время от времени смешные ситуации помогали нам немного расслабиться. Пленных доставляли к нам под конвоем, с соблюдением надлежащих формальных процедур. Как-то нам сообщили, что в волость доставили несколько военнопленных и мы можем их забрать. Поскольку наступило время сбора урожая и все мужчины были заняты, мы с Окой вместе с соседом, молодым Толстым, поплыли на лодке через озеро. Приплыв на место, мы узнали, что пленных разместили в деревне в нескольких милях от озера. Все лошади были заняты в поле.

Послать было некого, и мы с Окой, оставив Толстого сторожить лодку, пошли через лес и поле в деревню. Добравшись до деревни, мы стали переходить от дома к дому в надежде найти кого-нибудь, кто бы сказал нам, где пленные немцы. Наконец, нам привели сначала одного, а потом и другого немца; оказывается, они работали в поле. Мы взяли немцев и, как было приказано, «под конвоем» повели их к лодке. Ока шел впереди, за ним пленные, а я замыкающим. И немцы, и мы наслаждались ситуацией, выясняя, кто же из нас конвойные, а кто пленные, и долгий путь уже не казался утомительным. Немцы были рады, что едут к нам, поскольку Ока, в отличие от крестьян, говорил по-немецки.

Зимой 1916/17 года стали скапливаться тучи. Положение на фронте, недовольство, что война слишком затянулась, вызывали всеобщее уныние. Когда озеро сковало льдом, солдаты группами и поодиночке шли через озеро, чтобы дома провести несколько увольнительных дней. Эти серые герои казались связующим звеном между нами и Георгием, и мы всегда приглашали их зайти отдохнуть у нас. В то время мы даже не могли представить, как резко изменится наше отношение к людям в серой солдатской форме, один вид которой сейчас согревал наши сердца, вызывал желание сделать все возможное для ее владельцев.

На Рождество Вера и ее мать поехали к Веринному дяде, и мы с мужем остались вдвоем. Мы читали все, что удавалось достать. Военная цензура, конечно, не давала возможности получать достоверные известия с фронта. Письма Георгия содержали еще меньше информации. Самое большое беспокойство вызывали внутренняя политика, события внутри страны. Выяснилось, что мы не были готовы к тому, что произошло. Летом пароходом ежедневно доставлялась почта в наше маленькое почтовое отделение, находившееся в нескольких милях от нашего имения, а зимой мы получали почту только дважды в неделю. Я часто заезжала на почту, чтобы внести некоторое разнообразие в свою жизнь. Мне хотелось пообщаться с людьми, узнать местные новости, чтобы было о чем рассказать по возвращении ослепшему мужу. Ни один репортер, надеясь сорвать куш, не гонялся так за ин-

формацией, как это делала я в надежде внести хоть какое-то разнообразие в жизнь мужа. Я пыталась стать его глазами. Выглянув из окна, я подробно рассказывала обо всем, что вижу. Уже скоро мы должны были получить известия, которых будет более чем достаточно для него, известия, становившиеся хуже день ото дня.

Одним ясным холодным мартовским утром я поехала на почту. В воздухе уже чувствовалась весна, и еще вчера серое небо сегодня было окрашено в нежно-розовые тона. Все говорило о том, что на смену зиме идет весна, и, казалось, с приходом весны должны уйти из жизни все ужасы и страдания, связанные с войной и революцией. Подъехав к почте, я поднялась по ступенькам и вошла в хорошо знакомую комнату, с которой меня связывали приятные воспоминания. Почтмейстер буквально вел борьбу за существование, пытаясь содержать растущую семью на свое маленькое жалованье. Мы всегда по-соседски привозили ему овощи, масло и другие продукты, причем делали это так, чтобы не обидеть его. Когда он однажды сказал мне со слезами на глазах, что свинья, которую он купил в надежде на то, что зимой у него будет сало и мясо, сдохла, я ответила, что наша свинья принесла много поросят, ей их просто не выкормить, поэтому я с удовольствием привезу ему поросенка. На следующий день толстого, отчаянно визжащего поросенка посадили в корзинку и отвезли почтмейстеру. Такими были наши отношения на протяжении нескольких лет. Каково же было мое

удивление, когда в этот мартовский день 1917 года я вошла на почту, приветливо поздоровалась с почтмейстером и его помощниками, а в ответ натолкнулась на злобные взгляды.

– Наконец-то мы избавились от вашего Николашки, – издевательским тоном ответил на мое приветствие почтмейстер.

Вот так я впервые узнала об отречении императора. Поступок императора задал тон наступившим «свободе, равенству и братству». «Свобода» выражалась в распущенности; «равенство» вскоре привело Россию к резкому падению культуры, а «братство» заставило, забыв о таких понятиях, как дружба и любовь, брата идти против брата, детей против родителей.

Встреча, оказанная мне на почте, зародила предчувствие надвигающейся катастрофы, и я, решив не испытывать судьбу, быстро отправилась домой. В тот день в газетах было напечатано историческое сообщение: в присутствии членов Государственной думы в вагоне своего поезда царь Николай II подписал отречение от престола в пользу брата Михаила.

На этот раз не пришлось ничего выискивать, чтобы развлечь мужа. Я прочла ему газеты и рассказала о том, как меня встретили на почте. Сидя в огромном бабушкином кресле, он время от времени повторял голосом полным благоговейного страха:

– Бедная Россия! Господи, помоги нам, Россия гибнет!

Многие, даже консерваторы, с восторгом встретили Фев-

ральскую революцию 1917 года, рассматривая ее как единственную возможность спасти положение в стране и на фронте. Для крестьян революция явилась неожиданностью; для большинства интеллигенции – долгожданным и желанным событием; для консерваторов-аристократов и в некоторых случаях представителей императорских кругов – единственно возможным решением, поскольку император отказал им в осуществлении политических реформ.

Отречение императора от престола в пользу сына и брата вызвало тревогу у тех, кто считал, что такой стране, как Россия, необходима сильная власть с центральной фигурой, пусть даже номинальной.

Я думаю, что если бы после отречения императора Дума признала несчастного мальчика (сына императора), то парламент с центральной фигурой на заднем плане мог бы стабилизировать обстановку и в конечном итоге установить в стране демократическую или конституционную монархию. И тогда России не пришлось бы пройти через годы кровопролития и в ней не установилась бы самая деспотичная из когда-либо существовавших власть.

Я понимала, что голос господина Понафидина выпадал из общего оптимистичного хора. Поначалу я, как и все члены его семьи, испытывала потрясение, что не могу узнать его мнение, а ведь мы всегда ориентировались на его здравый смысл и житейскую мудрость. Понафидин считал, что политическая революция столь жизненно необходима, что ни в

коем случае нельзя рисковать; самое главное – выбрать надлежащий момент. Он, один из немногих, понимал, что революция больше, чем государственный переворот; революция – это кризис болезни, которая, прежде чем наступит выздоровление, будет длиться долго и потребует терпения. Но могли ли мы надеяться на терпение народа, возбужденного, измученного войной, замороженного пропагандой? Стал бы терпеть народ, если бы узнал, что с восходом солнца не наступит тысячелетие?

– Нет, – сказал мой муж. – Мы слишком нуждаемся в политических переменах, чтобы рисковать и устраивать революцию в неподходящее время. Ни один хирург не станет делать операцию, если понимает, что больной не готов к операции и она может завершиться фатальным исходом. Хирург будет готовить больного к операции. Так и тут. Революция захлебнется. Мы никогда не добьемся хороших результатов, если поддержим эту революцию. Россия окажется во власти единственной сильной группы авантюристов. Во время войны нет никакой надежды, что революция принесет изменения к лучшему.

Слухов было много, газеты приходили только два раза в неделю, а три наших сына оказались в центре переворота, и от них не было ни строчки. Однажды появился Ока, небритый, всклокоченный, не похожий сам на себя. Лицей, в котором он учился, был основан Александром I и в основном готовил мужчин для государственной службы. Это был один

из трех привилегированных лицеев, только для дворян. Для поступления требовалось пройти серьезный отбор.

Естественно, что Императорский лицей должен был одним из первых привлечь внимание возбужденной толпы. Мы с мужем не говорили об этом, но эта мысль занимала нас больше всего. Что с Окой? Как он? Крестьянин, забежавший к нам на минутку, спросил меня шепотом, чтобы не волновать мужа:

– Есть у Иосифа Петровича какая-нибудь одежда в Санкт-Петербурге?

Когда я объяснила, что у Оки только лицейская форма, он покачал головой и сказал:

– Плохо. Очень плохо. Они убивают всех лицеистов, встреченных на улице. Дай бог, он доберется до дома.

Крестьянин вслух высказал то, о чем мы постоянно думали.

Когда раздался звон бубенцов, я выглянула в окно и увидела, как к дому подъезжает Ока. Можете представить, какое облегчение я почувствовала при виде сына? Нет, думаю, что это может понять только тот, кто пережил то страшное время.

Как мы и думали, лицей привлек внимание революционеров. Студентов немедленно распустили. Тем, кто жил в городе, принесли гражданскую одежду, а такие, как Ока, остались в форме. Мальчикам предложили прикрепить красные банты на мундиры, чтобы уменьшить угрозу расправы, но

думаю, что Ока был не единственным, кто отказался от красного банта. Сыну потребовалось два дня, чтобы добраться в ту часть города, где жил Алек. Во многих районах города шли уличные бои. Улицы обстреливались из пулеметов, стоявших на крышах. Сыну приходилось не раз менять маршрут; он то передвигался бегом, то падал на землю, то полз.

Спустя несколько дней пришла телеграмма: «Я в порядке». Теперь мы знали, что Георгий тоже жив.

Летом 1917 года положение офицеров в армии стало невыносимым. Армия и народ решили, что после свержения императора война прекратится. Решение Временного правительства сохранить верность союзникам, продолжить войну до победного конца и только потом заняться урегулированием внутренних проблем вызвало недовольство армии. Пропаганда разжигала это недовольство. Офицеры были выразителями политики правительства. Они были против заключения сепаратного мира, заставляли солдат выполнять свои прямые обязанности, и солдаты направили всю накопившуюся против Думы злость на офицеров; Дума была далеко, а офицеры рядом. Каждый день в короткий период правления Временного правительства и при большевиках, когда началась настоящая резня, жизнь офицеров висела на волоске.

Я надеюсь, что когда-нибудь настоящий писатель, не такой, как я, воздаст должное этим героям, офицерам, которых всячески оскорбляли, убивали, расстреливали как собак только за то, что они остались верны воинскому долгу. Мало

того что ежедневно они подвергались опасности со стороны собственных солдат (а это гораздо страшнее, чем смотреть в лицо врагу), их еще одолевали мысли о доме. Их семьи не только страдали от голода и холода, но и вызывали недоброжелательное отношение только потому, что были офицерскими семьями. И все-таки случаи, когда офицеры изменяли присяге, были крайне редки. Многие кончали жизнь самоубийством, но не под давлением обстоятельств, а потому, что понимали, насколько бесполезны их усилия вдохновить солдат на борьбу с врагом.

Знаменитый приказ № 1 от 1 (14) марта 1917 года привел в действие механизм, способствующий окончательному распаду армии. Предпринятые в дальнейшем усилия изменить ситуацию в армии были тщетны. Вред был нанесен; солдаты не признавали никакой власти, кроме собственной. Хотя приказ № 1 вышел, когда у власти было Временное правительство, но, вне всякого сомнения, без ведома правительства или, во всяком случае, без его одобрения. Совершенно ясно, что Советы рабочих и солдатских депутатов занимали доминирующее положение и фактически управляли страной по собственной инициативе, зачастую оказывая противодействие политике Временного правительства.

Спустя несколько недель стало ясно, что правительство обречено. Честность отдельных членов правительства не возмещала слабость кабинета в целом. Кроме того, члены правительства были теоретиками, профессорами, плохо раз-

бирались в психологии и мало что знали о нуждах своего народа. Тем временем Советы набирали силу, и их деятельность была направлена на решение собственных партийных задач, а не на спасение России. Примером тому служит приказ № 1, направленный против проводимой правительством политики в отношении продолжения войны. Хотя и изданный под эгидой правительства, приказ, несомненно, был делом рук Советов, а правительство не имело достаточной силы, чтобы воспрепятствовать появлению такого приказа.

Суть приказа заключалась в следующем:

1. Во всех воинских подразделениях немедленно выбрать комитеты из представителей низших чинов.

2. Во всех политических выступлениях воинские подразделения подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своему комитету.

3. Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, только когда они не противоречат приказам Совета рабочих и солдатских депутатов.

4. Все оружие должно находиться под контролем солдатских комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам¹¹.

Кажется невероятным, что в тяжелое военное время, к то-

---

¹¹ Приказ № 1 Петроградского совета принят 1 марта 1917 года на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Совета. Для разработки приказа была образована специальная комиссия. Ее возглавил член исполнительного комитета Петросовета Н.Д. Соколов, впоследствии написавший интересные мемуары о том, как создавался текст приказа.

му же усугубленное революцией, правительство, стремясь к быстрому и успешному завершению войны, могло оказаться таким слепым, что издало подобный приказ. Тот факт, что приказ отдавал офицеров во власть рассерженных солдат, мечтающих о мире, четко указывает на создателей приказа. Злейшие враги и союзники, преследовавшие собственные цели, не могли сделать ничего более страшного для России, чем те, кто создал этот приказ. Достойные члены Временного правительства поняли это, но все попытки отменить приказ были пресечены в корне.

Даже нам в тылу было ясно, что происходит: на центральную власть не обращали внимания, судьба и политика армии были в руках солдатских комитетов.

Приведу пример того, что происходило у нас на глазах; таких случаев в разных вариантах было великое множество. Революция уничтожила классовые различия (на железнодорожных станциях больше не было буфетов первого и второго класса); солдаты не отдавали честь офицерам. В станционном буфете офицер сидел за столом и ел суп. Неожиданно к его столу подошел солдат, вырвал несколько волосков из усов и бросил их в тарелку офицера. Офицер молча встал, сходил за другой тарелкой с супом и сел за дальний стол. Только он начал есть, как солдат опять подошел к нему и кинул волосы в суп. Что офицеру было делать? Он сделал единственно возможное в такой ситуации. Вытащил револьвер, выстрелил и убил солдата, а затем пустил себе пулю в лоб.

Приказ № 1 был оскорбительным и опасным лично для офицеров и губительным для страны в целом. Когда на фронте отдавался приказ, его, вместо того чтобы выполнять, обсуждали и ставили на голосование.

Когда Георгий в первый раз после революции вернулся домой, он рассказал нам, что происходило с ним в то время. Вскоре после выхода приказа № 1 немцы подтянули артиллерию. Георгий доложил полковнику, что противник готовится к атаке, и он вынужден попросить подкрепление, поскольку на этом участке фронта противник явно превосходит в силе. Вечером немцы пошли в атаку. Семь раз за ночь Георгий обращался за помощью. Он докладывал, что не хватает боеприпасов; тылы подверглись вражеской бомбардировке. Полковник приказал направить подкрепление, но солдаты внимательно изучили приказ № 1, поэтому не спешили выполнять приказ командира и устроили собрание, чтобы обсудить его. Где требуется подкрепление, в каком количестве? Действительно ли нужны боеприпасы? И так далее и тому подобное. Только в России, и особенно в военное время, могли вестись подобные обсуждения. Под утро полковник, который всю ночь просил, доказывал, угрожал, смог, наконец, направить подкрепление. Когда солдаты прибыли на позицию, там осталась лишь горстка солдат. После рукопашного боя, несмотря на превосходящие силы противника, солдаты Георгия заняли немецкие траншеи.

Мне запомнился его рассказ как одна из странностей вой-

ны. В разрушенных, можно сказать, перепаханых снарядами немецких траншеях единственной оставшейся целой вещью оказался огромный котел с гречневой кашей, основным блюдом крестьянского меню. Слегка передохнув, солдаты устроили «собрание». Георгия обвинили в «прогерманских настроениях», в оказании слабого сопротивления. Его также обвинили в потерях в живой силе и технике (одного пулемета). Выдвинутые обвинения явились доказательством того, что он не достоин медали за храбрость, которой наградило его Временное правительство.

Мы беспомощно наблюдали за развалом армии и опасались за Георгия, чего не делали, когда он, как нам теперь казалось, участвовал в цивилизованной и гуманной войне. В эти месяцы мы отчетливо поняли, что есть нечто страшнее, чем война, – обезумевшая толпа, ощущение абсолютной свободы и отсутствия власти. Думаю, что те, кто пережил эти страшные годы, не могут не согласиться со мной.

Такое отношение народа к офицерам, которые стали для него символом продолжения войны, заставляло нас дрожать от страха за сыновей. Нами управляла одна мысль: уберечь своих мальчиков. Муж послал за адвокатом, который составил доверенность; теперь я являлась законным представителем мужа во всех делах.

События развивались стремительно. После создания в Санкт-Петербурге Временного правительства в губерниях появились местные органы, подобные правительству, только

в уменьшенном масштабе. Перед появлением этих органов мы жили в состоянии безвластия. Все старые институты отменили, а новые еще не создали, и мы терялись в догадках, к кому следует обращаться в случае актов беззакония, правонарушений и убийств. За неделю, что мы находились в состоянии безвластия, не произошло ни одного случая насилия, не было беспорядков, что говорило, по нашему мнению, о врожденном инстинкте законопослушания, свойственном крестьянам. Летом 1917 года крестьяне продемонстрировали себя с наихудшей стороны, и в этом заслуга социалистической пропаганды, действовавшей дома и на фронте. Все, что мы вынесли (хотя это было меньше того, что пришлось на долю многих других), было напрямую связано с деятельностью пропагандистской машины. Например, пришедшие с фронта солдаты были уверены, что за время их отсутствия землю успели поделить, и им ничего не достанется. Эти солдаты фактически были подстрекателями; в течение первых двух лет они разжигали у крестьян ненависть к нам. В то время мы в Бортниках боялись именно этих крестьян; они были источником оскорблений и унижений. Позже, когда появилась угроза со стороны большевиков, крестьяне перешли на нашу сторону. Они помогали нам, насколько у них хватало смелости, и не раз спасали нам жизнь.

Наше государство¹², а затем и провинциальный Осташков

---

¹² После революции в феврале 1917 года объявили себя республиками-государствами Тверь и Самара, Казань и Курск, Екатеринбург и Красноярск, а закон-

имели своих представителей во Временном правительстве.

Временное правительство, находившееся в Санкт-Петербурге, было номинальной властью; реальными лидерами становились Советы рабочих и солдатских депутатов. То же самое происходило в провинции. В начале апреля в Твери состоялась общегубернская конференция представителей губернского, уездных и городских Временных исполнительных комитетов. Органом власти стал Временный волостной исполнительный комитет, который избирался крестьянскими сходами. К комитету перешли все дела прежнего волостного правления и полицейской власти. Вместо старого урядника появилась должность старшего милиционера. Обязанности волостного старшины возложили на председателя Временного исполнительного комитета. Уездный Временный исполнительный комитет состоял из представителей волостей, уездного Совета крестьянских депутатов, войск гарнизона, рабочих, учащихся и городов, входивших в данный уезд. Теперь все зависело от председателя комитета. В одной волости на посту председателя мог оказаться страстный революционер, который не останавливался ни перед чем, включая грабежи и кровопролития. В то время как в соседней волости у власти мог оказаться человек гуманный, консерватор, и, естественно, людям там жилось нормально. Состав коми-

---

чилось все развалом империи и болезненным собиранием государства из осколков ценой гражданской войны и затем становлением нового государства – Республики Советов.

тета менялся с калейдоскопической быстротой, и мы на себе испытали эту смену власти. К нам врывались люди, обыскивали дом, составляли протокол, а через день или два повторялась та же процедура, но уже другими людьми.

Когда мы, ничего не понимая, спрашивали, что происходит, кому же мы должны подчиняться, следовал всегда один и тот же ответ:

– Мы распустили старый комитет. Они плохо работали. Оказались нечестными.

Глава 12

Начало большевизма

Первое проявление враждебности выразилось в сокращении наших пастбищ и лугов. Мы поняли, что следом у нас отберут часть домашнего скота, поэтому, предварив действие новых властей, мы по возможности быстро распродали скот, лошадей и коров, оставив лишь тех, которых могли прокормить с учетом оставшихся у нас пастбищ. Когда позже нас обвинили в продаже скота, мы оправдывались тем, что не получали никаких приказов, запрещавших продажу скота и что нам было просто не прокормить весь скот на оставленных нам по решению комитета площадях.

Затем нас посетила крестьянская депутация. Крестьяне заявили, что мы больше не имеем прав на землю, леса и поместье. Они не тронут нас и не выгонят до получения «бумаги», в которой будет сказано, как следует поделить нашу собственность между крестьянами. Тут же на месте крестьяне принялись составлять опись. Ситуация, несмотря на трагичность, сильно позабавила нас. Крестьяне вооружились бумагой и карандашами, разделились на несколько групп и разошлись по комнатам, чтобы переписать вещи. Закончив, они собрались в одной комнате и стали подсчитывать общее количество столов, стульев и других предметов мебели. Они

не знали названий многих предметов, не понимали, как их использовать, сбились со счета и вконец запутались. Помню, однажды (этот процесс неоднократно повторялся) они никак не могли пересчитать большие зеркала.

– Никто не поверит, если мы скажем, что в таком большом доме всего десять зеркал. Давайте запишем пятнадцать, – предложил один крестьянин.

– Нет, лучше напишем двадцать, – вмешался другой.

И они написали двадцать.

Нам сообщили, что, если мы не будем ничего продавать и прятать, нам разрешат остаться дома, но предупредили, что будут следить за тем, как мы выполняем приказ. Они часто, не спрашивая нашего позволения, приходили в дом, рылись в шкафах, если случалось, что недосчитывались каких-то вещей или посуды, которые числились в последней описи, то звали меня и требовали объяснений. И я объясняла, что данная вещь находится в стирке, в починке или в ремонте.

С этого времени мы, можно сказать, стали управляющими поместья, не получающими жалованья. Мы работали и платили налоги, но не могли ничего продавать, и нас даже ограничили в потреблении молока и муки. наших старых работников уволили; некоторые из них, преданные и честные люди, вместе с семьями жили в нашем поместье в течение многих лет. На их место пришли люди либо неумелые, либо настроенные к нам враждебно. Все вопросы крестьяне часами обсуждали на сходках и после долгих переговоров с

волостным комитетом утверждали принятые решения. В то время вся Россия, вместо того чтобы работать, участвовала во всякого рода собраниях, совещаниях, митингах: от солдат на фронте, рабочих на заводах до крестьян в деревнях. Они целиком посвятили себя этим сборищам.

В состав нашей сельской общины входили три деревни. Когда появлялся вопрос для обсуждения, поднятый отдельным лицом, волостным комитетом или кем-то еще, созывалась сходка. Обычно по деревне пробегал мальчик, стучал в окна и выкрикивал время и место сходки. Если дело было зимой, сходку проводили по очереди в разных домах. Летом, когда сходки проводили на улице, собиралась вся деревня, включая стариков и детей.

С лета 1917 до весны 1919 года, когда наше поместье превратили в совхоз, нас постоянно звали на сходки, какой бы вопрос ни обсуждался.

Если у нас отелилась корова, мы должны были вынести этот вопрос на сходку, и судьба теленка становилась темой горячих дискуссий. Если появлялось потомство у свиньи, будущее поросят решалось точно таким же образом. Иногда, после длительного обсуждения, принималось решение продать потомство и половину вырученных денег передать в волостной комитет, а половину оставить «за хлопоты» по уходу.

Как-то ближе к вечеру одна из наших коров сломала ногу, когда паслась в лесу. Прибежал пастух, плача в три ру-

чья, как говорят в России, и заявил, что корову надо убить из милосердия. Сын пошел в деревню, но к тому моменту, когда он смог найти трех надежных мужчин, чтобы пойти в лес и осмотреть корову, наступила ночь. Бедное животное до утра промучилось в лесу. Только утром мы получили «документ», в котором говорилось, что корова, по всей видимости, случайно сломала ногу, в этом нет нашей вины, а поэтому шкура и мясо наши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.